

CASSANDRA CLARE MAUREEN JOHNSON

A companion to the
New York Times
bestselling THE MORTAL
INSTRUMENTS series

A man with dark hair and light-colored eyes, wearing a black tuxedo jacket over a white ruffled shirt and a white waistcoat with gold buttons. A white rose is pinned to his lapel. He holds a glass of red wine in his right hand, from which a plume of purple smoke or fire rises. The background is a blurred interior with a staircase.

EVERY EXQUISITE THING

GHOSTS OF THE SHADOW MARKET #3

Annotation

Действия разворачиваются в 1900 году. История первой любви Анны Лайтвуд!

- [Кассандра Клэр и Морин Джонсон](#)

- [Информация о переводе:](#)

- [* * *](#)

Кассандра Клэр и Морин Джонсон
Каждая изысканная вещь

Информация о переводе:

Это произведение художественной литературы. Имена, персонажи, места и инциденты являются либо продуктом воображения автора, либо, если они реальны, используются фиктивно. Все заявления, действия, трюки, описания, информация и материалы любого другого рода, содержащиеся в настоящем документе, включены только для развлекательных целей и не должны полагаться на точность или воспроизведены, поскольку они могут привести к травме.

Перевод выполнен группой:https://vk.com/the_dark_artifices
(Тёмные Искусства | The Dark Artifices)

Переводчики: Екатерина Лобан, Ольга Бурдова, Юлия Зотова, Шайна Фейрчайлд.

Редакторы: Виктория Александрова, Dasha Shestacova, Саша Тарасова.

* * *

Эта была заляпана чем-то фиолетовым.

У этой была дырка на рукаве.

А еще не было... спины. Полностью. Просто перед рубашки и цепляющиеся за него два рукава.

— Кристофер, — проговорила Анна, ворочая одежду в руках. — Как ты это делаешь?

У каждого был свой маленький мир чудес. У ее брата Кристофера и дяди Генри — лаборатория. У кузена Джеймса и дяди Уилла — библиотека. У Люси — ее письменный стол, за которым она описывала Корделии Карстаирс свои длинные приключения. У Мэттью Фэйрчайлда — любой значный квартал Лондона.

У Анны Лайтвуд — гардероб ее брата.

Иметь брата, забывчиво относившегося к своей одежде, было во многих отношениях удобно. Анна могла стянуть пальто прямо с плеч Кристофера, и он бы вряд ли это вообще заметил. Единственным же недостатком было то, что одежду Кристофера настигала участь, не достойная никакой одежды. Она вымачивалась в кислоте, горела, была усеяна отметинами от острых предметов, вымочена под дождем... Его гардероб — запятнанный, изодранный, обугленный, воняющий серой — походил на музей экспериментов и катастроф.

Но для Анны вся эта одежда была бесценной.

Кристофер отправился в Институт навестить дядю Генри, а это явно займет много времени. Мать и отец гуляли в парке с ее младшим братом Александром. Настали драгоценные часы, которые нельзя было упускать. Сейчас Кристофер был выше нее и постоянно рос. Значит, ей могли подойти лишь его старые брюки. Она выбрала одну пару, отыскала наименее запятнанную рубашку и сносный полосатый серый жилет. Порывшись в куче галстуков, шарфов, платков и воротничков на дне гардероба Кристофера, она выбрала наиболее подходящие из них. На письменном столе обнаружилась шляпа, в которой лежал сэндвич. С ветчиной, как заметила Анна, переворачивая шляпу и вытряхивая крошки. Собрав все необходимое, она запихнула одежду под мышку и выскользнула в коридор, тихо

закрывая дверь.

Комната Анны сильно отличалась от комнат ее братьев. Стены были оттенка пыльной розы. Белое кружевное покрывало на постели, розовая ваза с сиренью на прикроватном столике. Кузина Люси находила ее комнату крайне очаровательной. У Анны же были совершенно иные вкусы. И, будь у нее выбор, стены были бы глубокого зеленого цвета, украшенные черным и золотым. И она поставила бы глубокое кресло, в котором было бы удобно читать и курить.

Тем не менее, у нее было длинное зеркало, а большего сейчас и не требовалось (зеркало Кристофера пострадало в эксперименте с усилением эффекта гламура, и его так и не

заменяли). Задернув шторы от теплого летнего солнца, она принялась переодеваться. Как же долго она мечтала избавиться от корсета; ее совершенно не прельщало то, как он сжимает все ее внутренние органы в комок и приподнимает грудь. Выскользнув из чайного платья, она позволила ему упасть на пол и отпихнула ногой в сторону. Следом полетели чулки и шпильки из прически. Брюки пришлось приподнять над лодыжкой, чтобы подогнать по росту. Жилет сумел скрыть пятна на рубашке. Она умело завязала один из его черных галстуков на тонкой шее. И, взяв шляпу, в которой совсем недавно покоился сэндвич, водрузила ее на голову, пряча под ней черные волосы, создавая впечатление того, что у нее была короткая стрижка.

Анна стояла перед зеркалом, рассматривая себя. Жилет немного скрыл грудь. Подтянув, она поправила его, пока не добилась нужного результата. Затем слегка одернула брюки и надвинула шляпу на глаза.

Ну вот. Даже в такой одежде — пятна, сэндвичи с ветчиной и что там еще — она чувствовала себя увереннее. Потому что больше не выглядела бунтаркой в лентах и рюшах. Напротив, теперь она выглядела элегантно: тело казалось худее из-за более строгого пошива, жилет красиво очерчивал талию и чуть выступал над узкими бедрами.

А что бы она могла сотворить с гардеробом Мэттью Фэйрчайлда! С его разноцветными жилетами и галстуками и красивыми костюмами он был самым настоящим павлином.

Она прошлась вперед-назад, наклоня шляпу будто в приветствии воображаемым дамам. Поклонилась, словно перехватывая руку девушки, удерживая взгляд. Всегда, когда целуете руку даме, не прерывайте зрительный контакт.

— Очаровательно, — проговорила она воображаемой леди. — Как насчет танца?

И леди бы с радостью согласилась.

Анна обняла воображаемую девушку за талию — они столько раз танцевали вместе. И, хотя не представлялось возможным увидеть ее лицо, Анна могла поклясться, что чувствовала ткань ее платья, мягкий шум шелестящих по полу юбок. Сердце дамы трепетало бы, если бы Анна чуть усилила нажим руки. И у нее были бы деликатные духи. Возможно, с апельсиновым цветом. Анна бы склонилась к ее уху и прошептала:

— Вы самая очаровательная девушка из присутствующих здесь.

А дама, покраснев, прижалась бы ближе.

— Разве это возможно — выглядеть красивой при любом свете? — продолжила бы Анна. — Как бархат платья впивается в вашу кожу. Как...

— Анна!

Она упустила из объятий свою невидимую компаньонку.

— Анна! — вновь окликнула ее мать. — Где ты?

Поспешив к двери, Анна слегка ее приоткрыла.

— Здесь, — слегка панически.

— Можешь спуститься, пожалуйста?

— Разумеется, — отозвалась та, уже сдергивая с шеи галстук. — Бегу!

Пришлось переступить через упавшую невидимую партнершу. Скинуть жилет, брюки. Все долой, все. И запихнуть на дно гардероба. Сброшенное платье было наскоро натянуло обратно, пальцы лихорадочно застегивали пуговицы. В женской одежде все было так неудобно и сложно.

Несколько минут спустя она поспешила вниз, пытаясь собраться

с мыслями. Ее мать, Сесили Лайтвуд, перебирала в руках пачку писем у своего стола в гостиной.

— На прогулке мы столкнулись с Инквизитором Бриджстоком, — заговорила она. — Они только что приехали из Идриса. И пригласили нас на ужин сегодня вечером.

— Ужин с Инквизитором, — пробормотала Анна. — Какой захватывающий способ провести вечер.

— Так нужно, — просто ответила ее мать. — Мы должны пойти. Сумеешь присмотреть за Кристофером, пока мы будем беседовать? Проследи, чтобы он не поджег ничего. И никого.

— Да, — автоматически кивнула Анна, — Конечно.

Отвратительный поворот. Бизнес Анклава вкупе с пережаренной говядиной. Было так много других интересных дел, которыми можно было бы заняться прекрасным летним лондонским вечером. Прогуляться по улицам в красивой одежде, держа за руку какую-нибудь девушку, например.

Однажды эта девушка перестанет быть воображаемой. Одежда перестанет быть заимствованной и плохо сидящей на фигуре. Однажды она пройдет по улице, и все девушки упадут к ее ногам (при этом подметив идеально начищенные броуги), а мужчины снимут шляпы перед выглядящей лучше, нежели они, леди.

Но не сегодня.

За окном все еще было солнечно, когда семейство Лайтвудов садилось тем вечером в карету. Костермонгеры, цветочники, чистильщики сапог... и невероятное количество красивых девушек в их легких летних платьях. Знали ли они, как мило выглядели? Видели ли они, как Анна на них смотрит?

Ее брат Кристофер случайно навалился на нее, пока они ехали.

— Напоминает дорогу в Институт, — отметил он.

— Мы не в Институт едем, — отозвалась Анна.

— Правда?

— Нас пригласили на ужин к Инквизитору, — подал голос отец.

— О, — пробормотал Кристофер.

И моментально ушел в свои мысли, как и обычно, что-то изобретая в уме, производя какие-то вычисления. В такие моменты Анна чувствовала близость с братом. Они вдвоем постоянно мыслями пребывали где-то в своих мирах.

Бриджстоки жили в Фицровии неподалеку от Кавендиш-сквер в милом трехэтажном доме. Краска на блестящей черной двери выглядела так, будто еще не высохла, а улицу снаружи освещали электрические фонари. Слуга проводил их в темную гостиную, где их и встретили Инквизитор с женой. На Анну почти не обратили внимания, лишь отметив, какой она была очаровательной девушкой. Они с Кристофером вежливо сидели на жестких стульях, будто сливаясь с тоскливыми декоративными элементами комнаты.

Наконец прозвучал гонг к ужину, и все перебрались в столовую. Анну с Кристофером усадили за дальний конец стола; напротив их мест было накрыто еще на одного человека. Анна, поедая суп из спаржи, пялилась на нарисованный на стене корабль. Тот попал в шторм, был объят пламенем и находился на грани затопления.

— Вы слышали, что в Гард собираются построить портал? — спросил Инквизитор у родителей Анны.

— О Господи, — миссис Бриджсток покачала головой. — Разве это хорошая идея? А вдруг сквозь него проникнут демоны?

Анна позавидовала кораблю и всем, кто на нем тонул.

— Разумеется, — продолжал бубнить Инквизитор, — все еще встает вопрос денег. Консул отклонила предложение о создании собственной валюты Идриса. Мудрое решение, весьма мудрое. И, как я уже говорил...

— Прошу прощения за опоздание, — проговорил чей-то голос.

В дверях столовой стояла девушка — вероятно, возраста Анны — в темно-синем платье. Ее волосы были темными, как и у Анны, но более густыми, роскошными, глубокими, словно ночное небо, оттеняющими мягкую смуглую кожу. Но внимание Анны зацепили ее глаза цвета топаза — огромные, с густыми ресницами.

— А, — вновь заговорил Инквизитор. — Это наша дочь, Ариадна. А это Лайтвуды.

— Я была на встрече с наставником, — слуга отодвинул для Ариадны стул. — И мы слегка задержались. Прошу прощения.

Похоже, когда я пришла, вы как раз дискутировали по поводу новой валюты. Сумеречные охотники — международное сообщество. И нам необходимо органично взаимодействовать с международными экономикками. И личная валюта обернется сущей катастрофой.

Она расправила салфетку, повернулась к Анне и Кристоферу и улыбнулась:

— Кажется, мы не встречались ранее.

Анна заставила себя сглотнуть, потом сделать вдох. Ариадна казалась не похожей ни на людей, ни на Сумеречных охотников. Словно ее создал сам Ангел.

— Анна Лайтвуд, — представилась она.

Кристофер перекачивал по тарелке горошины, не осознавая, что напротив него восседала сама богиня.

— А это мой брат Кристофер. Он может показаться слегка рассеянным.

Она пихнула его под ребра.

— О, — тот обнаружил Ариадну. — Я Кристофер.

И даже он не мог не восхититься ее красотой. Он моргнул, разглядывая девушку.

— Ты... ты ведь не англичанка, верно?

Анна словно умерла несколько раз подряд внутри, но Ариадна лишь рассмеялась.

— Я родилась в Бомбее. Мои родители заправляли местным Институтом, пока их не убили. Позже меня удочерили Бриджстоки в Идрисе.

Она говорила просто и спокойно, как человек, давно принявший суть всех фактов.

— Кто убил твоих родителей? — поинтересовался Кристофер.

— Группа демонов-ветисов, — отозвалась та.

— О! Я знал кое-кого в Академии, кого тоже убил ветис!

— Кристофер, — пробормотала Анна.

— Ты учишься в Академии? — спросила Ариадна.

— Уже нет. Я взорвал одно ее крыло, — Кристофер взял булочку с тарелки и бодро намазывал ее маслом.

Анна вновь взглянула на картину с кораблем, пытаясь мысленно перенестись на палубу, а затем прямиком в темные бушующие воды. Самая прекрасная девушка на свете только что появилась в ее жизни, и за тридцать секунд ее дорогой брат сумел поговорить о смерти ее родителей, о смертельном случае в школе, а также о том, что он взорвал часть Академии.

Ариадна, однако, не смотрела на него, даже когда он случайно задел локтем масленку.

— А ты что-нибудь взрывала? — поинтересовалась она у Анны.

— Пока нет, — ответила Анна. — Но вечер только начался.

Девушка рассмеялась, и душа Анны словно запела. Протянув руку, она достала локоть брата из масленки, не отводя при этом от Ариадны взгляда. Она хоть представляла, насколько она красива? Знала ли, что ее глаза были цвета жидкого золота, а что изящному изгибу запястья можно было посвящать песни?

Анна видела красивых девушек и раньше. И даже таких, которые смотрели на нее точно таким же взглядом, как и она на них. Но это все было мимоходом. Либо они сталкивались на улице, либо переглядывались в каком-нибудь из магазинов. Анна оттачивала искусство длинного взгляда, будто приглашающего: подойди. Расскажи о себе. Ты прекрасна.

Но что-то такое было во взгляде Ариадны... Нет. Должно быть, Анне казалось. Ариадна просто была вежлива и внимательна. И уж точно не глазела романтическим взглядом на Анну через стол, заставленный жареным картофелем и уткой. Просто ее совершенство заставило Анну вообразить нереальное.

Ариадна продолжала разговор со своего конца стола. И Анна никогда еще не была столь заинтересована в экономике Идриса. Она бы изучала эту науку день и ночь, лишь бы иметь возможность подискутировать с Ариадной на эту тему. Несколько раз девушка поворачивалась к Анне и смотрела на нее с пониманием, улыбаясь уголками губ. И всякий раз, как это происходило, Анна задавалась вопросом, почему от этого самого взгляда словно кружилась вся комната. Возможно, она заболела. От одного взгляда на Ариадну вполне могла подняться температура.

Подали пудинг, и Анна едва уловила, как ела его. Когда со стола было убрано, а женщины поднялись со своих мест, Ариадна материализовалась рядом, подхватывая Анну под руку.

— У нас замечательная библиотека, — сказала она. — Не хочешь взглянуть?

Проявляя чудеса самоконтроля, Анна не рухнула на пол от удивления. И сумела согласиться, что хотела бы увидеть библиотеку, да, с удовольствием, библиотеку, да-да...

Она заставила себя замолчать и оглянулась на мать. Сесили улыбнулась.

— Ступай, Анна. Кристофер, не возражаешь присоединиться к нам в оранжерее? У миссис Бриджсток есть коллекция ядовитых растений, которая, уверена, тебя заинтересует.

Анна послала Сесили благодарный взгляд, и Ариадна повела ее из комнаты. Голова была забита тем, как вкусно пахли ее апельсиновые духи, и тем, как красиво были заколоты ее волосы золотистым гребнем.

— Сюда, — Ариадна провела Анну сквозь двойные двери в заднюю часть дома. В библиотеке было темно и слегка прохладно. Отпустив руку Анны, девушка зажгла одну из электрических ламп.

— Вы используете электричество? — Анне пришлось сказать хоть что-то, а эта фраза была достаточно непритязательной.

— Я убедила отца, — ответила Ариадна. — Иду в ногу со временем и со всеми передовыми понятиями.

Комнату заполняло множество коробок; лишь несколько книг были распакованы и занимали свои места на полках. Мебель, однако, была на месте. Там стоял широкий письменный стол и несколько удобных кресел.

— Мы еще обустроиваемся, — Ариадна красиво (а как же еще) опустилась в одно из кресел. Анна же слишком нервничала, чтобы сидеть, и потому мерила шагами противоположную часть комнаты. Глядеть на Ариадну здесь, в уединенном темном месте — это было слишком.

— Я так понимаю, у твоей семьи достаточно интересная история, — продолжила Ариадна.

Нужно было заговорить. Понять, как вести себя рядом с Ариадной. Мысленно она облачилась в другую одежду — брюки, рубашку (без пятен), приталенный жилет. Продевала руки сквозь рукава. И чувствовала себя намного более уверенно в таком виде. Даже сумела присесть напротив девушки и встретиться с ней взглядом.

— Мой дед был червем, если ты об этом, — проговорила Анна.

Ариадна громко рассмеялась.

— Он настолько тебе не нравился?

— Я его не знала. Он был червем в буквальном смысле.

Было очевидно, что Ариадна мало что знала о Лайтвудах. Обычно, когда чей-нибудь страстный до демонов родственник заболевает демоническим сифилисом, после чего превращается в гигантского червя с огромными зубами, слухи разносятся достаточно быстро. Люди всегда что-то обсуждают.

— Да, — продолжила Анна. — Он сожрал одного из моих дядей.

— Ты действительно забавная, — отметила Ариадна.

— Рада, что ты так считаешь.

— У твоего брата весьма необычные глаза.

Анна постоянно слышала подобное. Глаза Кристофера были оттенка лаванды.

— Да, — согласилась она. — Он у нас в семье красавчик.

— Абсолютно не согласна! — воскликнула в удивлении Ариадна. — Должно быть, джентльмены постоянно делают комплименты твоим глазам.

Покраснев, она опустила взгляд, и сердце Анны пропустило удар. Невозможно, говорила она себе. Ни единого шанса, что дочь Инквизитора была... такой же, как она сама. Что она заглядывала в глаза другим девушкам и подмечала их цвет вместо того, чтобы просто обсудить, какие ткани можно носить, чтобы лучше подчеркнуть этот оттенок.

— Боюсь, я немного отстала в области тренировок, — заговорила Ариадна. — Возможно, мы могли бы... потренироваться вместе?

— Да, — быстро выпалила Анна. — Да... разумеется. Если ты...

— Думаю, ты сочтешь меня неуклюжей, — Анна сцепила руки в замок.

— Уверена, что это не так. Но, в любом случае, в этом и заключается суть тренировки. Деликатный вопрос — за исключением, конечно, очевидного насилия.

— Значит, тебе придется обращаться со мной деликатно, — мягко произнесла Ариадна.

Стоило Анне подумать о том, что она сейчас потеряет сознание, как распахнулись двери и на пороге объявился Инквизитор вместе с Сесили, Габриэлем и Кристофером. Лайтвуды выглядели изможденно. Анна словила на себе острый изучающий взгляд матери.

— ...и наша коллекция карт... о. Ариадна. Разумеется, все еще тут. Она дьявольский книголюб.

— Абсолютно дьявольский, — улыбнулась та. — Мы с Анной обсуждали мои тренировки. Я подумала, что было бы разумно поработать с другой девушкой.

— Еще и как разумно, — отозвался Бриджсток. — Да. Замечательная идея. Станете партнерами. Что ж, Лайтвуд, взглянем на карты в другой раз. Ариадна, спустимся в гостиную. Хочу, чтобы ты сыграла на фортепиано нашим гостям.

Ариадна подняла взгляд на Анну.

— Партнеры, — проговорила она.

— Партнеры, — отозвалась Анна.

И только по пути домой Анна осознала, что Ариадна, пригласив ее в библиотеку, не показала ей ни единой книги.

— Тебе понравилась юная Ариадна Бриджсток? — спросила Сесили, когда карета Лайтвудов гроыхала домой по темным городским улицам.

— Она весьма дружелюбна, — ответила Анна, выглядывая в окно на сверкающий ночью Лондон. Ей так хотелось быть там, снаружи, среди звезд, гулять по улицам Сохо, живя музыкой, приключениями и танцами. — И красива.

Сесили заправила за ухо дочери прядь волос. Анна в удивлении

взглянула на нее; в глазах Сесили была какая-то грусть, непонятно почему. Возможно, она просто устала, соскучившись от компании Инквизитора. Папа, например, вообще уснул в противоположном углу кареты, да и Кристофер облокотился об него, сонно моргая.

— Она и отчасти не так красива, как ты.

— Мама, — раздраженно фыркнула Анна, вновь отворачиваясь к окну кареты.

* * *

Под сводами железнодорожного виадука у южного конца Лондонского моста было заметное оживление.

Стояла середина лета, и солнце над Лондоном заходило почти в десять часов. Время работы Теневого рынка сокращалось, и он весь словно был пронизан какой-то яростью. Пар, дым, шелк. Протянутые руки, подсовывающие под носы покупателей товары — драгоценности и безделушки, книги, ожерелья, порошки, масла, игрушки для детей жителей Нижнего Мира, какие-то непонятные предметы. И мешанина ароматов. Острый запах от реки и дым от проходящих сверху поездов смешивались с остатками еды с примитивного дневного рынка — раздавленными продуктами, кусочками мяса, запахом из бочек с устрицами. Торговцы жгли благовония, перемешивавшиеся со специями и духами. Было не продохнуть.

Брат Захария двигался между рядами, не обращая внимания ни на запахи, ни на толпу. Многие жители Нижнего Мира отступали, едва завидев Безмолвного Брата. Он приходил сюда неделями, пытаясь встретиться с Рагнором Феллом. Вот и сегодня, оглядываясь, искал взглядом продавца, которого приметил во время предыдущих визитов. Искомая лавка могла передвигаться — у нее были ноги, словно у курицы. Державшая ее женщина была из фейри, в возрасте, с густой копной волос. Она продавала разноцветные зелья, одно из которых Мэттью Фэйрчайлд приобрел и отдал своей матери. Джему потребовались все его усилия, чтобы не дать Шарлотте погибнуть. С тех пор она не была прежней. Как и Мэттью.

Сегодня лавки не было, равно как и Рагнора. Он собирался

сделать последний круг по рынку, пока не увидел, как кто-то стоит, склонившись, над ларьком с книгами. Яркие белые волосы и фиолетовые глаза. Малкольм Фейд.

— Это ты, Джеймс Карстаирс? — спросил он.

«Как поживаешь, друг мой?»

Малкольм только улыбнулся. В нем всегда было нечто печальное: Джем слышал о его трагической любви с девушкой-охотницей, выбравшей путь Железной Сестры, а не их любовь. И Джем понимал: для некоторых закон стоял превыше любви. Но даже будучи таким, каким он был сейчас, понять он этого не мог. Он бы отдал все, что угодно, лишь бы быть рядом с любимой.

Что угодно, кроме того, что было в разы священнее жизни Джема: жизнью Тессы и Уилла.

— Как продвигаются поиски? Рагнор раздобыл для тебя какую-нибудь информацию о демоне, которого ты ищешь?

Джем спокойно взглянул на Малкольма; он бы предпочел, чтобы как можно меньше людей знало о его задании.

— Малкольм! Я нашла нужную тебе книгу! — прокричала женщина-маг в желтом бархате, подходя к мужчине.

— Спасибо, Леопольда, — поблагодарил тот.

Женщина уставилась на Джема. Он привык к этому. Несмотря на то, что он был Безмолвным Братом, его глаза и губы не были защищены. Он не видел и не говорил, как люди, но тот факт, что без рун он бы сумел это сделать, беспокоил людей больше, нежели вид обыкновенного Безмолвного Брата, менее неохотно связавшего себя узами с безмолвной тьмой.

«Мы не знакомы».

— Нет, — отозвалась женщина. — Не знакомы. Меня зовут Леопольда Штайн. Приехала сюда из Вены.

У нее был немецкий акцент и мягкий, урчащий голос.

— Это Брат Захария, — представил его Малкольм.

Она кивнула. Руку не протянула, но продолжала пристально всматриваться.

— Простите меня. На нашем рынке не так часто можно увидеть Безмолвного Брата. Лондон для меня — странное место. Рынок в Вене не такой шумный. Он находится в Винервальде, под деревьями. А вы здесь под железной дорогой. Необычно.

— Захария не похож на прочих Безмолвных Братьев, — сказал Малкольм.

Леопольда, похоже, сделала для себя какие-то выводы после изучения лица Джема и улыбнулась.

— Вынуждена попрощаться с вами, — проговорила она. — Приятно было увидеться, Малкольм. Слишком уж много времени прошло, mein Liebling. Слишком много. И очень приятно было познакомиться с тобой, Джеймс Карстаирс. Auf Wiedersehen.

Она выскользнула из толпы. Джем наблюдал за ней. Женщина решила назвать его Джеймсом Карстаирсом, а не Братом Захарией, и выбор казался преднамеренным. Конечно, многие обитатели Нижнего мира знали его имя в бытность Сумеречным охотником — секрета из него никто не делал — но в какой-то момент Джем почувствовал себя бабочкой на булавке, попавшей под пристальное внимание лепидоптеролога.

«Можешь рассказать о ней?» — спросил он у Малкольма, вернувшегося к изучению своей книги.

— Леопольда немного не от мира сего, — отозвался тот. — Я встретил ее, когда путешествовал по Вене. Не думаю, что она часто покидает свой город. Похоже, она общается с некоторыми известными примитивными. И она...

Он колебался.

«Да?»

— ...больше, думаю, связана со своей демонической сущностью, нежели с человеческой, как большинство из нас. По крайней мере, больше, чем я. Она заставляет меня чувствовать себя неловко. Я рад, что ты появился. А то пришлось бы искать пути отступления.

Джем взглянул в направлении, в котором исчезла Леопольда. Больше связана с демонической стороной...

Вот с ней стоило поговорить. Или понаблюдать за ней.

* * *

Анна лежала в постели с закрытыми глазами, пытаясь заснуть. В мечтах она вновь танцевала. Носила лучшую воображаемую одежду — темно-серый костюм, солнечно-желтый жилет с перчатками в тон. И держала под руку Ариадну в синем платье, как сегодня.

Сон все не шел. Подорвавшись с постели, она подошла к окну. Ночь была теплой. Нужно было что-то с собой сделать. Одежда брата все еще лежала в ее гардеробе. Достав ее, она разложила предметы одежды на кровати. Она хотела их вернуть, но...

Да кто их хватится? Уж точно не Кристофер. Ну, может прачка, но ни у кого не возникнет сомнений, если Кристофер просто потеряет свои брюки посреди танцпола. И одежду по старее — она ему не понадобится, это при той быстроте, с которой он растет. Брюки были слишком длинными, но они могли быть укорочены. Эта рубашка могла быть ушита в спине. Понадобилось бы всего несколько стежков.

Анна не была прирожденной швеей, но, как и все Сумеречные Охотники, она владела базовыми навыками восстановления экипировки. Она не смогла бы сделать кружева или точное портняжничество, но с этой работой она вполне справилась. Она ушила его рубашку и жилетку на спине и сделала их подходящими к ее талии.

С курткой было немного сложнее, требовались выточки на спине и на боку. В плечах немного не подходило по размеру и создавался эффект треугольника. Она потренировалась ходить в ушитых брюках, и больше они не волочились по земле.

Будучи ребенком, она всегда любила экипировку, ее легкую маневренность и то, как она позволяла ей двигаться без всяких ограничений. Ее всегда удивляло, что другие девочки, в отличие от нее, не возмущались возвращению в платья и юбки, когда заканчивалась тренировка. Они не возмущались потере свободы.

Но это было больше, чем комфорт от одежды. В шелках и оборках Анна чувствовала себя глупо, как будто она притворялась кем-то, кем на самом деле не была.

Когда она надевала платья и выходила на улицу, ее либо

игнорировали как неуклюжую, застенчивую девчонку, либо рассматривали мужчины так, как ей не нравилось.

В одежде своего брата она выходила на улицу только дважды, оба раза поздно ночью — но тогда женщины смотрели на нее, улыбающиеся, заговорщицкие женщины, которые знали, что, нарядившись в мужскую одежду, Анна разделяла их власть и привилегии.

Они смотрели на ее мягкие губы, ее длинные ресницы, ее синие глаза; они смотрели на ее бедра в узких брюках, на изгиб ее груди под хлопковой мужской рубашкой и их глаза говорили с ней на тайном языке женщин: ты забрала их власть себе. Ты украла огонь у богов. Теперь приди и люби меня, как Зевс любил Данайю под золотым звездопадом.

Перед ее мысленным взором, Анна склонилась, чтобы взять руку Ариадны в свои, и рука показалась реальной.

— Ты так прекрасна сегодня, — она сказала Ариадне. — Ты самая прекрасная девушка, которую я когда-либо видела.

— И ты, — ответила Ариадна в ее сознании, — самый мужественный человек, которого я когда-либо знала.

На следующий день, Анна потратила два часа, чтобы написать записку Ариадне и закончила, читая:

«Дорогая Ариадна,

Было очень приятно познакомиться с тобой. Надеюсь, мы можем иногда тренироваться вместе. Пожалуйста, приезжай.

С уважением,

Анна Лайтвуд».

Целых два часа на это и куча черновиков. Время больше не имело значения, и может никогда не будет иметь значения снова.

В полдень у нее были планы встретиться с кузенами Джеймсом, Люси и Томасом, вместе с Мэттью Фэйрчайлдом.

Джеймс, Мэттью, Томас и Кристофер были неразделимы и всегда встречались в доме или тайном убежище. Сегодня они завоевывали дом тетушки Софи и дядюшки Гидеона. Анна посещала их маленькие сборища только по случаю, так же, как и Люси — у девчонок и так всегда находилось много возможностей для развлечений. Но сегодня она безнадежно нуждалась в каком-то деле, чтобы оно вернуло ее ум на прежнее место и удержало ее от драки и измерения шагами собственной комнаты.

Она пошла с Кристофером, который взволнованно рассказывал о каком-то устройстве, которое полетит благодаря вращению четырех лезвий. Звучало так, будто это механическое насекомое. Анна издавала звуки, которые показывали, будто она слушает, хотя на самом же деле она была в своих мыслях.

До дома кузенов уже было недалеко. Ее кузины, Барбара и Евгения, были в утренней комнате. Барбара растянулась на диване, в то время как Евгения яростно трудилась над кружевом. Так, словно и вправду ненавидела его, и единственным способом выразить свою ненависть было пронзать растянутую ткань иголкой так энергично, как только она могла.

Анна и Кристофер поднялись в комнаты, которые располагались в стороне, для детей Софи и Гидеона. Джеймс был там, сидящий на подоконнике и читающий. Люси сидела за столом, и что-то писала. Том бросал нож в противоположную стену.

Кристофер поприветствовал всех и немедленно сел в углу с книгой. Анна расположилась рядом с Люси.

— Как Корделия? — спросила она.

— О, она замечательно! Я как раз писала ей прежде, чем Томас смог помочь мне пройти урок Персидского.

Люси всегда писала своей будущей парабатай. Люси могла писать в комнате, полной людей, разговаривающих, кричащих, поющих. Анна была уверена, что Люси, должно быть, сможет писать и в разгар битвы. И Анна очень одобряла такое — было очень приятно видеть двух девушек, столь сильно преданных друг другу, пусть и только платонически. Женщинам следовало ценить других женщин, даже если остальное общество их не ценило.

Ей вновь вспомнилась Аридана.

— Что случилось, Анна? — спросил Джеймс.

Он смотрел на нее с любопытством. Анна любила всех своих кузенов и кузин, но Джеймс у нее был на особенном положении. Он был слегка неуклюжим мальчишкой, нежным, тихим и книжным.

И он вырос в молодого мужчину, как могла видеть Анна, невероятно мужественного, как и его отец. У него были восхитительные, мягкие волосы Эрондейлов, а от своей матери он унаследовал демонические желтые глаза. Анна всегда считала их достаточно милыми, хотя Кристофер ей рассказывал, что Джеймса непрестанно дразнили из-за них в Академии. И именно дразнилки шутников побудили Мэттью подложить взрывчатые вещества и подготовить взрыв в крыле здания.

Это было благородно — защищать своих друзей, своего парабата. Анна гордилась ими, делающими это. Она бы сделала то же самое. Джеймс был таким застенчивым, чудесным маленьким мальчиком и одна лишь мысль, что его обижали, приводила Анну в ярость. Сейчас он был старше, немного задумчивее, часто смотрящим вдаль, но под всем этим все еще невероятно добрым.

— Ничего, — сказала она. — Мне только нужна новая книга для чтения.

— Наиболее разумная просьба, — сказал Джеймс, свешивая свои длинные ноги со своего читательского насеста. — Какая книга? К счастью, тетушка Софи и дядюшка Гидеон имеют внушительную коллекцию. Приключения? Историю? Роман? Поэзию?

Весь молодняк был невероятно книжным. Анна относила это к влиянию дяди Уилла и тети Тессы. Они редко позволяли кому-либо уйти из Института без книги, которую, как они считали, необходимо прочитать.

Теперь, когда они говорили об этом, конечно, это будет полезно для разговоров с Ариадной. Ведь она же была помешана на книгах.

— Тренирую одну новенькую, — Анна сказала. — Ее зовут Ариадна, и она много читает, так что...

— А! Ариадна. Это имя из мифологии. Мы можем начать с этого. Как насчет Золотой Ветви Фрейзера? Есть новое издание в трех томах. Если только ты не хочешь начать с базы. Всегда же есть Классическая Библиотека Лемприра...

Джеймс изящно пролистывал страницы книг. Он был совершенным бойцом и отличным танцором. Конечно, эти черты, сочетавшиеся с фактом, что его внешность становилась все более привлекательной, объясняли его внезапную популярность у девчонок. И он не мог пройти через комнату, где они были, не вызвав тем самым вздохов и хихиканья. Анна полагала, что довольна им или будет, если он когда-нибудь все же заметит, что происходит.

Вскоре он собрал дюжину книг с полки, передавая одну Кристоферу, будто передумав. Серебряный браслет блеснул на его запястье, когда он поднял руку — подарок любимой, полюбопытствовала Анна? Конечно, одна из вздыхающих хохотушек привлекла его интерес в конце концов. Анна полагала, ей следует быть более милосердной к ним — она сама балансировала на грани вздохов и дурацкого смеха из-за Ариадны в тот момент.

Дверь распахнулась настежь, и Мэттью Фэйрчайлд вошел в комнату и драматически облокотился на спинку кресла.

— Добрый вечер, вы, банда прекрасных негодяев. Джеймс, с чего это ты чистишь полки?!

— Анна попросила у меня что-нибудь почитать, — сказал Джеймс, пробегая страницу содержания яростным взглядом. Он отложил книгу в сторону.

— Анна? Почитать? Да это Черная Магия, не иначе?!

— Вряд ли я неначитанная, — сказала Анна, бросая в него яблоком.

Он с легкостью поймал его и улыбнулся. Для Мэттью привередливость была естественной. Он и Анна часто обсуждали джентельменскую моду вместе, но сегодня Анна заметила, что его волосы были немного растрёпанными, и одна из пуговиц на его жилетке была не застегнута. Конечно, это всего лишь мелочи, но у Мэттью они сообщали о чем-то большем.

— Какой твой интерес? — спросил Мэттью.

— А что, это преступление — хотеть стать более начитанной?

— Совсем нет, — сказал Мэттью. — Я люблю литературу. Вообще-то, я нашел великолепное место. Это салон, полный писателей и поэтов. Вот только... у него не очень хорошая репутация.

Анна с заинтересованно склонила голову.

— Вот, — Джеймс сказал, выкладывая в стопке дюжину или около того книг с глухим хлопком на стол. — Нравится что-нибудь? Посмотри. Конечно, могу рекомендовать и другие. Подожди. Нет. Не эти и не эти.

Он собрал книги и вернулся к полкам. Джеймс был явно поглощен своим занятием. Кристофер счастливо читал свою книгу, которая имела ужасное научное название. Люси и Томас все так же заседали за письменным столом, Томас, помогающий Люси с какими-то фразами, Люси училась для Корделии, а Томас любил языки, поскольку он говорил на испанском с дядей Гидеоном и на уэльском со своими кузенами. Ангел благословил их добрые души рвением к учебе и ни один из них не слышал Анну и Мэттью, плетущих темный заговор. Но несмотря на это, Мэттью говорил почти шепотом.

— Почему бы мне не зайти за тобой в полночь, — сказал Мэттью. — Мы можем пойти вместе. Я бы не отказался от компаньона, который знает, как повеселиться. А тебе может понадобиться маскировка. Ни одна молодая леди с хорошей репутацией не будет разгуливать по улицам Лондона в полночь.

— О, — сказала Анна. — Уверена, смогу что-нибудь придумать.

За несколько минут до полуночи, как и было обещано, Анна услышала стук по окну своей спальни. Мэттью Фэйрчайлд был там, танцую по краю. Анна распахнула окно.

— Боже! — сказал он одобрительно. — Это одежда Кристофера?

Анна нарядилась в одежду брата. Подшивки здорово помогла.

— Маскировка, — сказала она просто.

Он рассмеялся, небрежно крутясь на подоконнике. Она могла видеть — он пил: его рефлексy были замедленны, и ему удалось избежать падения лишь в последние доли секунды.

— Тебе они идут больше, чем идут ему, но все же... нам нужно подобрать тебе что-нибудь покрасивее. Вот.

Он снял эскот с шеи и протянул ей.

— Я настаиваю, — сказал он. — Я никогда не позволю леди выйти в свет в скверном мужском наряде.

Анна глубоко вздохнула и улыбнулась, когда надевала галстук. Они вдвоем выпрыгнули из ее окна, бесшумно приземлились во дворе напротив дома.

— Где это место? — спросила Анна.

— Мерзкий уголок в Сохо», — сказал он с улыбкой.

— Сохо! — Анна была в восторге. — Как ты узнал о нем?

— О, только через мои скитания.

— Да, ты часто бродишь по разным местам.

— У меня беспокойная душа.

Мэттью был пьянее, чем казался сначала. Он покачивался на каблуках и крутился вокруг фонарных столбов, пока они шли. Он часто бывал таким последние несколько недель — все, что было веселого и светлого в Мэттью, всегда было на грани. На некотором уровне она даже чувствовала беспокойство о нем. Но любое ограничение свободы оказывалось губительным для Мэттью. Наверняка в его безудержном веселье виновата исключительно летняя ночь.

Дом, куда Мэттью вел Анну располагался в глубине запутанных лабиринтов Сохо, за пределами улицы Бруа. Он был покрашен черной краской весь, кроме двери, которая была зеленой.

— Тебе здесь понравится, — сказал Мэттью, улыбаясь Анне.

Дверь им открыл высокий, бледный мужчина в бардовом сюртуке.

— Фэйрчайлд, — сказал он, глядя на Мэттью. — И...

— Хороший друг Фэйрчайлда, — ответил Мэттью..

Анна еще долго могла чувствовать разумность взгляда вампира, когда он впустил их внутрь. Он казался заинтригованным и ею и Мэттью, хотя выражение его лица было нечитабельным.

Наконец он отошел в сторону и впустил их внутрь.

— Вот видишь?! — сказал Мэттью. — Никто не может воспротивиться нашему очарованию.

Коридор был предельно темным — фрамуги светильников были покрыты бархатными драпировками. Единственный яркий свет

исходил от свечей. Дом был украшен в стиле, который Анна определенно одобряла — невероятно темно-зеленые обои с золотистыми вкраплениями, бархатные занавески и мебель. Пахло сигарами и странными, крохотными сигаретами с ароматом роз, а еще джином. Комната была заполнена жителями Нижнего Мира и примитивными, все затейливо одеты.

Анна заметила многих людей, рассматривающих ее и ее мужской стиль одежды восхищенно. Мужчин забавляло это, женщин — восхищало или интересовало.

Некоторые жадно пожирали ее глазами, разглядывая женское тело, изгибы которого подчеркивала мужская одежда. Это было словно избавившись от платьев, она избавилась и от ожиданий общества, от ее женской скромности, и могла позволить себе и их восхищение, и их желание.

Ее душа наполнилась уверенностью: она почувствовала себя роскошным созданием: ни джентльменом, но и не леди.

Джентледи, она подумала, и подмигнула единственному, кого узнала: оборотню Вулси Скотту, главе волчьей стаи. Он был одет в смокинг цвета бутылочного стекла и раскуривал трубку в окружении очарованных примитивных.

— Конечно, — услышала Анна, как он сказал, — тяжело им было втащить мою ванну в один из трех домов, но я вряд ли бы согласился расстаться с ней. Каждый должен всегда забирать с собой свою ванну.

— Это какой-то Йетс... вон там, — сказал Мэттью, указывая на высокого мужчину в очках. — Он читал новую работу, когда я был здесь в прошлый раз.

— И это было замечательно, — сказал голос. Он принадлежал женщине, сидящей неподалеку от того места, где стояли Анна и Мэттью. Она была ошеломляющей колдуньей с чешуйчатой кожей змеи, окрашенной серебром, почти опалового цвета. Ее длинные, зеленые волосы ниспадали на плечи и были стянуты тонкой золотой сеточкой. Она была одета в длинное красное платье. Она элегантно повернула голову к Анне и Мэттью.

— Все лондонские Сумеречные Охотники выглядят столь же впечатляюще, как и ты? — спросила он. У нее был немецкий акцент.

— Нет, — просто ответила Анна.

— Определенно нет, — согласился Мэттью.

Колдунья улыбнулась.

— Ваши лондонские Сумеречные Охотники интереснее, чем наши, — произнесла она. — Наши очень утомительные. Ваши...

Кто-то что-то заворчал, и остальная часть группы одобрительно расхохоталась.

— Присаживайтесь и присоединяйтесь к нам, — сказала женщина. — Я Леопольда Штайн.

Большинство людей вокруг Леопольды казались льстивыми примитивными, так же, как и группа вокруг Вулси Скотта. Один мужчина был одет в длинный балахон, покрытый символами, которые Анна не узнала. Мэттью и Анна сели на ковер, напротив мягких подушек, служивших вместо дивана. Рядом с ними была женщина, носившая золотой тюрбан, собранный из шарфа, заколотого булавкой с сапфиром.

— Вы двое Избранных? — спросила она Мэттью и Анну.

— Конечно, — Мэттью ответил.

— А. Я могла бы понять по тому, как Леопольда отреагировала на вас. Она абсолютно замечательная, не так ли? Она из Вены и знает практически каждого — Фрейда, Малера, Климта, Шиле...

— Великолепно, — сказал Мэттью. Он должно быть думал это и вправду было великолепно — Мэттью обожал искусство и художников.

— Она собирается помочь нам, — сказала женщина. — Очевидно, мы имели такие проблемы здесь. Почему Кроули даже не узнали здесь, в Лондоне! Ему пришлось отправляться в Ахатхор Храм, в Париж, чтобы быть инициированным до уровня Младших Адептов, уверена вы об этом слышали.

— Сразу же, как это произошло, — солгал Мэттью.

Анна прикусила губу и посмотрела вниз, чтобы удержаться от смеха. Это всегда было забавно — встречать примитивных, которые имели фантастические знания о том, как работает магия. Леопольда, она заметила, снисходительно улыбалась всей группе, как будто они

все были милыми, но недалекими детишками.

— Ну, — женщина продолжила, — я была адептом в храме Исиды-Урании, и я могу заверить тебя, что я была непреклонна, что...

Это было прервано мужчиной, стоявшим в центре комнаты и поднимавшим бокал с чем-то зеленым.

— Мои друзья! — сказал он. — Я настаиваю, чтобы мы помянули Оскара. Вы должны поднять бокалы!

Это было встречено одобрительным согласным шумом, и все присутствующие подняли бокалы.

*Одни любят слишком мало, другие — слишком долго,
Одни продают, и другие покупают;
Некоторые совершают поступок со множеством слез,
И некоторые без вздоха
Каждый человек убивает то, что любит.
И все же не каждый человек умирает.*

Она не знала точно, что это значит, но ее преследовал призрак этого. На Мэттью, который неуклюже уселся, это возымело больший эффект.

— Это прогнивший мир, который позволил умереть такому человеку, как Уайльд, — сказал Мэттью. Была жесткость в его голосе и это было ново и немного тревожно.

— Это звучит немного жутко, — Анна сказала.

— Это правда, — он ответил. — Наш великий поэт, и он умер в бедности и безызвестности, не так давно. Они бросили его в тюрьму потому, что он любил другого мужчину. Не думаю, что любовь может быть неправильной.

— Нет, — сказала Анна.

Она всегда знала, что любила женщин так, как от нее ожидали, что она будет любить мужчин. Она находила женщин прекрасными и

желанными, в то время как мужчины всегда оставались для нее только хорошими друзьями, братьями по оружию, но ничем более. И она никогда не притворялась, казалось, все ее друзья приняли это, как факт.

Но это было правдой, хотя Мэттью и остальные часто шутили с ней о разбитых сердцах прекрасных девушек, это не было тем, что она когда-нибудь обсуждала с матерью. Она вспомнила, как нежно касалась мать ее волос в экипаже. Что же на самом деле думала Сесили о своей странной дочери?

Не сейчас, сказала она себе. Она повернулась к женщине в турбанах, которая пыталась привлечь ее внимание.

— Да?

— Моя дорогая, — сказала женщина. — Ты обязательно должна быть здесь через неделю. Верные будут вознаграждены, я тебе обещаю. А древние, спрятанные от нас давным-давно, будут обнаружены.

— Конечно, — сказала Анна, подмигивая. — Да. Не пропустила бы это ни за что на свете.

В то время, как она просто продолжала разговор, Анна поняла, что хотела бы вернуться в это место. Она пришла сюда в мужской одежде и получила в ответ только одобрение. Ну, вообще-то она была уверена, что одна юная вампирша рассматривала ее с нездоровым интересом. И Леопольда, прекрасная колдунья, не отводила взгляда от Анны. И если бы все ее помыслы не были посвящены лишь Ариадне...

Ну, это только можно оставить на милость воображения.

Когда Мэттью и Анна покинули дом той ночью, они не заметили фигуру на другой стороне улицы, скрывающуюся в тени.

* * *

Джем узнал Мэттью сразу, но сначала был озадачен и не мог понять, кто же его спутник. Этот человек походил на его парабата, Уилла Эрондейла, не того Уилла, которым он был сейчас, но Уилла в семнадцать, с его самоуверенной развязностью и вздернутым

подбородком. Но ведь этого просто не могло быть. И спутник Мэттью точно не был Джеймсом, сыном Уилла.

У него заняло несколько минут, чтобы понять, что молодой мужчина перед ним и не мужчина вовсе. Им оказалась Анна Лайтвуд, племянница Уилла. Она унаследовала темные волосы и профиль Эрондейлов, а еще самоуверенную развязность своего дяди. В какой-то момент Джем ощутил острую боль в сердце. Это было подобно увидеть своего друга молодым снова, и их двоих, когда они жили в Институте вместе и сражались вместе бок о бок друг с другом, до того, как Тесса Грей впервые переступила порог Института.

Это правда было столь давно?

Джем вздрогнул, отогнал непрошенные мысли и постарался снова сконцентрироваться на настоящем. Анна носила некую маскировку, и она и Мэттью только что побывали на каком-то сборище жителей Нижнего Мира с колдуньей, как он заметил. И у него не было ни малейшей идеи, что они там делали.

* * *

Целая неделя прошла. Целая неделя для Анны, бегавшей проверять почту, смотрящей из окна, ходившей часть пути до Площади Кавендиш. Прежде, чем повернуть обратно. Жизнь. Это была агония, и это превратилось в осознание, когда Анну позвали вниз рано в пятницу, чтобы найти Ариадну, ожидавшую ее, наряженную в роскошное желтое платье и белую шляпку.

— Доброе утро, — Ариадна сказала. — Почему ты не готова?

— Готова?! — переспросила Анна и при неожиданном появлении Ариадны в горле у нее пересохло.

— Тренироваться!

— Я...

— Доброе утро, Ариадна! — Сесили Лайтвуд вышла с Александром.

— О! — взгляд Ариадны стал будто светлее, когда она увидела малыша. — Я просто не могу не поддержать его — я просто обожаю

малышей!

Появление Александра дало Анне время вскарабкаться наверх, выровнять дыхание, брызнуть водой на лицо, и захватить свою экипировку. Пятью минутами позже, Анна сидела напротив Ариадны в экипаже Бриджстоков, направлявшемся к Институту. Сейчас они были наедине, близко друг к другу, в теплом экипаже. Запах духов Ариадны, запах цветущего апельсина обволакивал и дурманил Анну.

— Я тебя побеспокоила? — спросила Ариадна. — Я просто надеялась... что ты будешь свободна, чтобы потренировать меня... — она выглядела обеспокоенной. — Надеюсь, я не предположила... неправильно. Ты сердишься?

— Нет, — ответила Анна. — Я никогда не смогу сердиться на тебя.

Анна хотела бы, чтобы это прозвучало легко и беззаботно, но хрипотца в ее голосе выдала правду.

— Хорошо, — Ариадна светилась от радости и сплела пальцы в замок на коленях. — Я бы ненавидела раздражать тебя.

Когда они прибыли в Институт, Анна переделалась намного быстрее, чем Ариадна. Она ждала в тренировочной комнате, нервно меряя ее шагами, беря ножи со стены и метая их, чтоб успокоить нервы.

Это же только тренировка. Простая тренировка.

— А у тебя хороший бросок, — сказала Ариадна.

Ариадна была ошеломляюще красива в платьях; экипировка же открыла, и кое-что еще. Она все еще оставалась женственной, с ее длинными волосами и роскошными изгибами фигуры, теперь не скованной весом тяжелой ткани, она двигалась с грацией и скоростью.

— Как бы ты хотела начать? — сказала Анна. — У тебя есть предпочитаемое оружие? Или нам ползать? Работа на перекладине?

— Все, что ты считаешь лучшим, — ответила Ариадна.

— Нам начать с клинков? — сказала Анна, беря один со стены.

* * *

Что бы ни делала Ариадна в Идрисе, это определенно не включало усиленные тренировки. Она окончательно уверилась в этом. Когда она делала бросок — руки ее были слабыми. Анна подходила и инструктировала ее, заставляя себя сохранять самообладание, когда она брала руку Ариадны в свои, и показывала ей бросок. Она была на удивление хороша в скалолазании, но добравшись до потолочной балки, она неудачно ухватилась и упала. Анна прыгнула под нее и аккуратно поймала во время падения.

— О, очень впечатляюще! — сказала Ариадна, улыбаясь.

Анна стояла там несколько мгновений, все еще с Ариадной на руках, не уверенная, что делать дальше. Было что-то во взгляде Ариадны, в том, как она смотрела на Анну, будто загипнотизированная.

Что она спросила? Как могло это случиться с кем-то вроде Ариадны?

Это было слишком.

— Очень хорошая попытка, — сказала Анна и осторожно поставила ее на ноги. — Только... следи куда наступаешь.

— Думаю, на сегодня мне хватит, — отметила Ариадна. — Как можно развлечься в Лондоне?

О, так много возможностей.

— Ну, — сказала Анна. — Как насчет театра и зоопарка?..

— Нет, — Ариадна взяла одну из подушек и покрутилась вокруг нее. — Уверена, ты знаешь место для настоящего веселья.

— Ну, — сказала Анна, лихорадочно подбирая слова, — знаю место, полное писателей и поэтов, и оно лучшее. Открывается после полуночи.

— Тогда, полагаю, ты возьмешь меня с собой, — сказала Ариадна, и ее глаза сверкали. — Буду ждать тебя в полночь у окна сегодня.

Ожидание в тот вечер было мучительным.

Анна возилась со своим ужином и смотрела на часы через всю комнату. Кристофер складывал в пирамиду морковки на тарелке,

очевидно, занятый мыслями о разработке очередного механизма. Ее мама кормила Александра. Анна считала удары собственного сердца. Ей приходилось отчаянно стараться оставаться незаметной. Она провела некоторое время в семейной комнате с малюткой братом; она взяла книгу и листала, быстро пробегая глазами по страницам. К девяти она все же смогла лениво потянуться и сообщить, что собирается принять душ и лечь спать.

Вернувшись в свою комнату, Анна подождала, пока не услышала, что остальные домочадцы пошли спать, прежде чем переоделась. Ей потребовалось время чтобы почистить и заштопать свой наряд настолько хорошо, насколько она только могла. Когда она оделась, она выглядела и наряднее, и опаснее. Она решила, что именно так будет одеваться, если попадет в приключение или даже встретит Ариадну.

Она выскользнула из своего окна в одиннадцать, спустилась по веревке, которую забросила обратно внутрь. Она могла бы и прыгнуть, но ей потребовалось время, чтобы хорошо заправить волосы в шляпу. Она отправилась к Белгравии и в этот раз она не беспокоилась о том, чтобы избегать освещенных фонарями участков дороги. Она хотела быть увиденной. Она гордо выпрямила спину и шла широкими шагами. И чем дальше она шла, тем увереннее становились ее походка, и четче ее ощущения. Она приветствовала, коснувшись пальцами шляпы, леди в проезжающем навстречу экипаже, леди улыбнулась и застенчиво отвернулась.

Анна знала, что теперь она никогда не сможет снова носить платья. Она всегда любила театр, саму идею представления. Первый раз она надела одежду своего брата, это было представление, но каждый раз, когда она делала это вновь, игра становилась все реальнее. Она не была мужчиной, да и не хотела им быть — но почему мужчины должны получать все хорошее от мужественности только по случаю рождения? И почему ей, Анне не следует носить их одежду, пользоваться их уверенностью и привилегиями?!

Ты украли у Бога огонь.

Весь развязный вид, в котором пребывала Анна, вошел в спячку, как только она повернула за угол на Кавендиш-Сквер. Сможет ли Ариадна принять её вот такую? Несколько минут назад всё казалось таким правильным, а сейчас...

Анна уж подумала повернуть назад и никуда не идти, но всё-таки заставила себя пойти дальше.

В доме Бриджстоков было темно. Анна подняла голову, измученная мыслью, что Ариадна обманула её. Но затем она увидела резкое движение рядом с занавесками, а после распахнулось окно. Ариадна посмотрела на неё сверху вниз. И улыбнулась.

Через секунду из окна уже свисала веревка. Ариадна соскользнула вниз так изящно, как не делала даже на тренировке. Одета она была в светло-голубое платье, которое чуть дрогнуло, когда она приземлилась.

— О, боже... — сказала Ариадна, подходя к Анне, — Ты выглядишь просто... ошеломляюще.

И Анна вдруг поняла, что ни каких денег не стоил тот взгляд, каким Ариадна одарила её.

Они взяли карету, чтобы добраться до Сохо. Хотя и она, и Ариадна нанесли на себя гламур, дабы скрыть руны от примитивных, Анне всё равно доставил удовольствие тот взгляд, которым наградил её водитель, как только он понял, что симпатичный молодой человек, сидящий у него в кабине, оказался симпатичной молодой девушкой. Он приподнял свою шляпу, когда они выходили из экипажа, бормоча себе под нос что-то про «молодежь в эти дни».

Они подошли к дому, однако в этот раз Анна постучала в дверь. Тон мужчины был не очень любезным. Сначала он обвел глазами Анну, а затем Ариадну:

— Никаких Сумеречных Охотников.

— А система обслуживания клиентов стала ещё хуже по сравнению с прошлым разом, — ответила Анна, замечая, что сейчас окна были прикрыты тяжелыми бархатными занавесками.

— Идите домой, юные Сумеречные Охотники, — продолжил он, — Надеюсь, я ясно выразился.

И дверь захлопнулась у них прямо перед носом.

— А вот теперь мне интересно, — сказала Ариадна. — Тебе не кажется, что зайти нам всё же стоит?

У Ариадны, конечно, была озорна черта характера, которая дополняла её жизнерадостность и любовь к разным вещам, которые

были несколько...шаловливыми. И Анна почувствовала, что должна поощрять данный импульс.

На плоской передней части дома не было четкой точки доступа, поэтому они спустились до конца улицы и обнаружили узкую аллею, соединяющую дома. Вплоть до третьего этажа дом был кирпичным. Несмотря на это, там проходила водосточная труба. Анна ухватилась за неё и поднялась. Оттуда она не могла добраться до окон третьего этажа, однако могла попасть на крышу. Она посмотрела вниз, чтобы убедиться, что Ариадна поднялась за ней, снова проявив больше мастерства, чем на тренировке. Им удалось открыть чердачное окно. Оттуда они поползли по извилистой лестнице, сначала шла Анна, а Ариадна позади неё. Ариадна держала руку около талии Анны, возможно, для подстраховки, или же...

Анна предпочла не думать об этом.

Сегодня вечером в доме использовали слишком много фимиамов. Запах витал по коридору и дошел уже до лестницы, почти заставив Анну кашлять. Это был неприятный запах — он был едким и тяжелым. Анна почувствовала горькую полынь и что-то еще, что-то с металлическим запахом, как обычно пахнет кровь. Здешняя публика обычно была довольно спокойной. Слышен был только один голос, и довольно низкий. Женский голос с немецким акцентом. Этот голос читал заклинания.

Анна сразу поняла, что это было заклинание призыва, нечто подобное она уже слышала. Она повернулась к Ариадне, чье лицо выражало крайнее беспокойство.

Она потянулась за своим клинком Серафима и подала знак Ариадне, что пойдет первой и посмотрит, что там происходит. Ариадна кивнула в ответ. Анна начала красться к концу лестницы, а затем к концу холла. Девушка отодвинула бархатный занавес, что загораживал путь к гостиной. Все присутствующие сидели лицом к центру комнаты, поэтому всё, что Анна могла видеть, были их спины и слабое мерцание свечей.

Анне удалось распознать форму круга, что был начертан на полу. Женщина в тюрбане стояла на самом краю круга, а на её лице читался полный восторг. Одета она была в длинную черную мантию, а над головой держала книгу с рисунком пиктограммы. Книга была сделана из чего-то странного. Возможно, это была кожа.

А возвышалась над всеми ними Леопольда. Её глаза были закрыты, руки были подняты вверх. Приглядевшись, Анна заметила, что Леопольда держала в руках изогнутый кинжал. Разговаривала она на демоническом языке. Затем она кинула взгляд на женщину в тюрбане и кивнула. Сделав длинный шаг в сторону круга, женщина остановилась. Зеленое пламя вспыхнуло кольцом, заставляя всех находящихся в комнате примитивных попятиться и что-то нечленораздельно бормотать. К удивлению Анны, ни одного представителя Нижнего Мира здесь не было.

— Выйди! — воскликнула женщина. — Выйди, прекрасная смерть. Выйди, создание, выйди, чтобы мы могли поклоняться тебе. Выйди!

— Убирайтесь отсюда! — крикнула Анна, пробираясь в комнату. — Все вы!

У людей не было ни секунды, чтобы удивиться. Огромный Пожиратель вырвался из темноты. Женщина в тюрбане опустилась на колени прямо перед демоном:

— Мой Лорд, — обратилась она к Пожирателю, — Мой темный...

Пожиратель резко взмахнул своим хвостом и снес женщине голову. Все собравшиеся выпустили коллективный крик и сразу побежали к выходу. Анна должна была подобраться к этому демону. А Пожиратель тем временем быстро расправился со всем тем, что осталось от женщины.

Леопольда Штайн смотрела на представленную картину с каким-то спокойным лицом, будто это было для неё забавное времяпрепровождение.

Было очень трудно сражаться с демонами в столь узком пространстве, не поранив других людей. Анна оттолкнула несколько примитивных в сторону и, подняв клинок Серафима, смогла подобраться к демону ближе. Демон сразу же издал сердитый визг. А издал он его будто, что-то очень быстро выбило ему глаз. Ариадна стояла рядом с Анной, держа в руке Электрум, и улыбалась.

— У тебя очень хороший удар, — сказала Анна, когда сердитый демон начал обходить их вокруг.

Он прыгнул и прорвался через одно из передних окон. Анна и

Ариадна молниеносно среагировали, одежда Анны абсолютно не стесняла движений, и она прыгнула. Ариадна прошла через дверь, но быстро встала на ноги, лязгнув своим хлыстом в воздухе. Работая сообща, они быстро расправились с этим демоном.

Но затем послышался странный, потрескивающий шум. Они повернулись и увидели, что демон пришел не один — из сломанного окна вылилось скопление маленьких демонов, похожих на своего предшественника, с их челюсти капала зелена жидкость. Анна и Ариадна повернулись лицом к ним, взяв поудобнее свое оружие. Маленький Пожиратель прыгнул вперед. Ариадна ударила его своим хлыстом. Другой тут же бросился к ним, но, как только он смог приблизиться достаточно близко, буквально из воздуха рядом с Анной появился человек в капюшоне. Она повернулась к этому человеку, и, к своему удивлению, обнаружила, что сейчас перед ней стоит Брат Захария. Она была знакома с бывшим парабатаем своего дяди, хотя не имела ни малейшего понятия, что он здесь делает.

— Как много? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила она, в то время как ещё один демон вышел из дома, — Все они выходят из круга, он находится внутри этого дома. Люди могут быть ранены.

Он кивнул и показал Анне жест, что он собирается отправиться внутрь, в то время как Анна и Ариадна остались на улице. Одно из существ хотело уже было напасть на примитивного, однако Анна вскочила на ноги, уклонилась от яростно летящего в её сторону хвоста и вонзила клинок демону прямо в затылок. Ошеломленный примитивный отскочил назад, когда Пожиратель упал на землю. Она повернулась и посмотрела на Ариадну, которая быстро разбиралась с ещё одним демоном, разрезая воздух с помощью ее электрического хлыста, а затем и ноги демона. Анна была очень удивлена — единственный другой подобный хлыст, который она когда-либо видела, принадлежал Консулу, Шарлотте Фэйрчайлд.

Девушки стояли спиной друг к другу, сражаясь, словно они были парабатаями, их движения были абсолютно синхронными. Хотя они, конечно, не были парабатаями. Те чувства, что Анна испытывает к Ариадне, были бы совершенно не позволительными по отношению к своему парабатаю. И вдруг Анна поняла, что это неловкое откровение, пришедшее прямо посреди битвы с демонами, является чистой правдой.

Она совершенно точно была влюблена в Ариадну Бриджсток.

* * *

Джем вошел в дом через открытые двери, крепко держа в руке свой посох. Комната была тихой и безлюдной. Весь пол помещения был забрызган кровью; повсюду лежали куски человеческого тела.

— Наконец-то! — разразился женский голос, — Я уж думала, что ты уже не придешь.

Джем повернулся. Леопольда Штайн сидела в прихожей на большом парчовом кресле, держа в руках голову женщины. Джем поднял свой посох.

«Ты убила ни в чем неповинных людей», — сказал он ей.

— Они сами себя убили, — произнесла она. — Они играли с огнем. И на нём же и сгорели. Ты же знаешь, что они из себя представляют. Они и вправду считают, что способны понять магию. Они должны были понять, что это истинное положение вещей. Честно говоря, я оказала им услугу, теперь они уже никогда не будут вызывать демона. Я всего лишь хотела преподать им урок, и что в этом такого? Не думаю, что это самое важное, о чем ты должен так беспокоиться.

Джема разрывали противоречивые чувства, с одной стороны его инстинкты говорили, что нужно избавиться от неё за то, что она сделала, и всё же...

— Я вижу в тебе сомнения, Джеймс Карстаирс, — сказала она с улыбкой.

«Моё имя Брат Захария».

— Ты был Джеймсом Карстаирсом, Сумеречным Охотником, который был зависим от инь-феня. Ты ведь был знаком с Акселем Мортмейном, которого они именовали не иначе как «Магистр»?

Только услышав имя Мортмейна, Джем опустил свой посох.

— Ах, — улыбнулась Леопольда. — Ты помнишь Аксея?

«Ты его знала?»

— И очень хорошо, — пояснила женщина. — Я много кого знаю. Вот, например, я знаю мага, который помогает заправлять местным Институтом. Тесса Эрондейл. Хотя она и Сумеречный Охотник, но её кожа не выносит рун. Она вышла замуж за твоего парабата.

«Почему ты спрашиваешь меня о Тессе?» — задал вопрос Джем.

Джем почувствовал, как холодок прошёлся по позвоночнику. Ему не нравился этот маг. Ему не нравился интерес этой женщины к Тессе.

— Потому что ты был на Теневом рынке, задавал множество вопросов об этой девушке. О её отце. О её демоническом отце.

Она отпустила голову женщины со своих колен:

— Как я уже и сказала, я была знакома с Мортмейном. А поскольку ты спрашивал про него, про то, как была создана Тесса, эта новость дошла до меня — одну из последних выживших его друзей. Я уверена, тебе интересно, как именно он создал Тессу. Ты ищешь демона, которого Мортмейн призвал, демона, которому было суждено стать её отцом. И, если ты убережешь своё оружие, то получишь ответы.

Однако Джем не убрал свой посох.

— Ей, возможно, было не слишком интересно что-нибудь узнать про своего отца до того, как...

Леопольда играла с золотой ниточкой у себя в волосах:

— До того, как у неё появились дети. И эти дети показывают признаки своего демонического наследия. Кажется, признаки совершенно не похожи друг на друга?

Джем застыл. Казалось, будто Леопольда смогла проникнуть в его разум и добраться до его памяти. Он вспомнил их с Тессой встречу прохладным январским днем на мосту Блэкфрайарс два года назад. Вспомнил страх на её лице:

— Я не хочу тревожить этим Уилла... но я очень сильно беспокоюсь о Джейми и Люси. Джеймс терпеть не может свои глаза, называет их дьявольским, словно ненавидит свое же лицо, свою собственную родословную. Если бы я только знала, кто мой настоящий отец, тогда я, возможно, смогла бы подготовить и их, и себя... и Уилла.

Джем опасался бы этого, не будь даже это опасным поручением, ведь знание данной информации принесет только больше забот и переживаний. Но это было то, чего хотела Тесса, хотела для Уилла и своих детей, а он, Джем, любил их слишком сильно, чтобы сказать «нет».

— Запросы твоего друга Рагнора дали свои плоды, — продолжила она. — Я знаю, кто отец Тессы.

Она прищурилась:

— Я могу сказать тебе, но попрошу кое-что взамен, всего лишь маленький пустяк. Небольшое количество крови живого Сумеречного Охотника. Ты даже этого не почувствуешь. Я собиралась взять немного от той девочки, которая одевается как мальчик. Она мне очень понравилась. Была бы у меня возможность, я бы её забрала.

«Держись от неё подальше».

— Не сомневайся, буду. Но я могу помочь и тебе. Мне нужно всего лишь немного крови, и тогда ты узнаешь имя отца Тессы Эрондейл.

— Брат Захария! — до его ушей донесся крик Анны.

Джем на мгновение отвернулся, и Леопольда начала подходить к нему. Он поднял свой посох, отбрасывая женщину назад. Она зашипела и быстро отскочила назад. В ответ она подняла свое изогнутое лезвие:

— Не играй со мной, Джеймс Карстаирс. Или ты ничего не хочешь узнать о своей Тессе?

Снаружи раздался еще один крик. У Джема не было выбора. Он побежал в сторону голоса Анны.

Снаружи Анна и еще одна девушка вступили в ожесточенную битву с шестью демонами. Они хоть и были прижаты к стене, но сражались спиной к спине. Джем взял поудобнее свой посох и ударил в спину ближайшего врага. Он продолжал размахивать им, пока Анна и девушка не смогли выиграть немного времени, чтобы отбежать от стены. Джем прикончил ещё одного, а Анна быстро расправилась с ещё двумя, сделав длинный замах клинком. Остался только один Пожиратель. Он протянул свой хвост с шипами и сделал удар в сторону грудной клетки девушки. Буквально через секунду Анна пролетела по воздуху, отталкивая эту девушку. Они упали вместе, но

Анна обняла девушку, защищая ее. Джем покончил с последним демоном, приземлившись ему на голову. На улице наступила тишина. Анна лежала на руках у этой девушки, не издавая ни звука.

— Анна, — помчался к ней Джем.

Сумеречная Охотница оторвала рукав Анны, чтобы увидеть рану. Анна зашипела, яд обжег ей кожу.

Позади них Леопольда вышла из дома и быстро скрылась из виду.

— Я в порядке, — проговорила Анна. — Ариадна, найди её.

Но Ариадна вздохнула и чуть откинулась назад:

— Яд не попал в твой организм. Но он попал на кожу. Мы должны немедленно промыть рану. Она очень глубокая. Нам придется нанести несколько иратце.

Девушка посмотрела на Джема:

— Я позабочусь о ней. Я неплохо исцеляю. Я научилась этому у Безмолвных Братьев, пока жила в Идрисе. Анна права, нужно найти Штайн.

«Ты точно уверена? Анне ведь нужна руна...»

— Уверена, — перебила девушка, поставив Анну на ноги. — Поверьте мне, когда её родители узнают, что с нами произошло, Анна уже будет в порядке.

— Она права, — согласилась Анна.

«Позаботься о ней», — сказал Джем.

— Конечно, — Ариадна говорила с твердой уверенностью, а от того, как она смогла справиться с раной, в её словах уже можно было не сомневаться.

— Пойдем, — сказала она Анне. — Мой дом здесь не далеко. Идти можешь?

— С тобой, — ответила девушка, — я пойду куда угодно.

Убедившись, что девушки ушли, Джем пошел в сторону Леопольды Штайн.

* * *

Опираясь на плечо своей подруги, Анна с Ариадной уже подходили к дому. К этому моменту яд на коже девушки уже начал действовать. Эффект этого яда был похож на состояние алкогольного опьянения, и распространялся он очень быстро. Анна изо всех сил старалась оставаться в сознании. Сейчас они шли абсолютно невидимыми для людей.

Когда они наконец пришли, Ариадна спокойно провела Анну через входную дверь. Они осторожно поднялись по лестнице, не желая никого будить. К счастью, комната Ариадны была на противоположной стороне дома от спальни её родителей. Ариадна уложила Анну в постель и закрыла дверь.

Комната Ариадны была очень похожа на саму девушку: душистая, идеальная и чувственная. На больших окнах висели кружевные занавески. Стены были расписаны серебряными розами, а в вазах стояли розы и горстки сирени.

— Давай, — сказала Ариадна, подводя Анну к письменному столу, где стояла небольшая миска с водой. Смешав несколько трав, она кинула их в воду, а затем полила получившуюся смесь на рану, которая сразу начала жечь.

— Знаю, это не очень приятно, — сказала Ариадна. — Но это должно помочь, поверь мне.

Она намочила тряпку и осторожно очистила рану мягкими движениями, тщательно вытирая яд с кожи Анны. Затем она достала свое стило и нарисовала целительную руну, чтобы пополнить кровь, а потом иратце, чтобы стимулировать заживление. Рана начала закрываться.

Всё это время Анна молчала, затаив дыхание. Боли она совсем не чувствовала. Она чувствовала только осторожные руки Ариадны.

— Спасибо, — наконец сказала Анна.

Ариадна отложила свое стило:

— Ерунда. Ты получила эту рану, защищая меня. И спасла.

— Я всегда буду защищать тебя.

Ариадна очень долго смотрела на Анну. И единственный свет, который Анна могла увидеть, появился около узора кружева.

— Мое платье, — тихо сказала Ариадна. — Она испорчено. Наверное, я выгляжу как пугало.

— Чепуха, — ответила Анна и спустя мгновение добавила:

— Ты никогда не была так прекрасна.

— Но на нем ведь кровь. И ихор. Поможешь мне снять его?

И дрожащими пальцами Анна расстегнула множество кнопок на передней части платья, а затем скинула его прямо на пол. Ариадна повернулась так, что Анна смогла увидеть её корсет. Ариадна была одета в хлопчатобумажное нижнее белье, отделанное тонким кружевом. Ее сорочка и цветки на нем казались абсолютно белыми по сравнению с её коричневой кожей. Ее глаза светились.

— Анна, тебе нужно немного отдохнуть, — настаивала она. — Прямо сейчас тебе лучше не уходить. Отдыхай.

Ариадна взяла руку Анны и повела её к кровати. И только сейчас она поняла, что была полностью вымотана от битвы с демонами, а также, что она ещё никогда не чувствовала себя на столько бодрой и живой.

— Ложись, — сказала Ариадна, поглаживая волосы Анны.

Анна положила голову на подушку. Ее сапоги исчезли. Волосы упали на лицо, и она нетерпеливо оттолкнула их назад.

— Мне хочется поцеловать тебя, — сказала Ариадна, и её голос дрогнул от страха, который Анна знала очень хорошо. Ариадна боялась, что Анна оттолкнет ее, отвергнет, начнет кричать. Но как могла Ариадна не знать, что она чувствует?

— Пожалуйста, Анна, я могу тебя поцеловать?

Анна не смогла вымолвить ни слова, поэтому просто кивнула. Ариадна наклонилась вперед и прижалась своими губами к губам Анны.

Анна прокручивала этот момент у себя в голове раз сто, если не больше. Она не знала, что в действительности по её телу пройдет такая приятная волна жара, что Ариадна будет такой сладкой. Она ответила на поцелуй, потом целовала Ариадну в щеки, в подбородок,

в шею. Ариадна издала легкий вздох наслаждения. Она снова прижалась к губам Анны, и они вместе упали на подушки. Они были связаны, они смеялись, согревали друг друга, нуждались только друг в друге. Боль ушла, и ее заменил восторг.

* * *

В течение дня по улицам и переулкам Сохо ориентироваться было очень трудно. А ночью в этом перенаселенном участке становилось очень опасно. Джем держал свой посох над головой. В такой поздний час на улицах Сохо можно было встретить только пьяниц или ночных бабочек. У аллея пахло мусором, а чуть поодаль лежала небольшая куча разбитого стекла и сортированные обломки.

Джем направился к витрине на улице Вардур. Он постучал, и дверь открыли два молодых оборотня, ни один из которых, казалось, не удивился, увидев его.

«Вулси Скотт ждет меня».

Они дружно кивнули и проводили его через темный и пустой магазин, в котором продавали пуговицы и различные ленты. Они довели его до двери, и Джем вошел. Первое, что бросилось в глаза это то, что комната была очень тускло освещена, но обставлена она была со вкусом. Вулси Скотт растянулся на низком диване, а напротив него сидела Леопольда Штайн, окруженная полудюжиной оборотней. Она выглядела спокойной и сдержанной, и даже потягивала чашку чая.

— Ах, Карстаирс, — сказал Скотт, — Наконец-то. Я уж думал, что мы просидим здесь всю ночь.

«Спасибо», — поблагодарил Джем, — *«что присматривал за ней»*.

— Без проблем, — отмахнулся Вулси. Он наклонился к Леопольде:

— Как ты уже знаешь, эта женщина объявилась в Лондоне несколько недель назад. С этого момента мы не спускали с неё глаз. Не думал, что она зайдет так далеко, я имею в виду сегодняшний инцидент. Не может быть, что она подстрекала этих недалеких

примитивных, вызвать демона. Это как раз то, что настраивает всех против Нижнего Мира.

Леопольда, казалась, совсем на него не обиделась.

Вулси Скотт поднялся с дивана:

— Ты упоминал, что хочешь с ней поговорить. Ты хочешь сделать это с глазу на глаз с ней?

«Да».

— Договорились. Я как раз договорился встретиться с моей давней подругой, бутылкой красного вина. Я уверен, она больше не будет создавать тебе проблемы, правда, ведь, Леопольда?

— Конечно нет, — заверила его женщина.

Скотт кивнул, и вместе остальными оборотнями покинул комнату. Леопольда взглянула на Джема и улыбнулась:

— Приятно снова увидеть тебя. Так печально, что нас так грубо прервали в прошлый раз.

«Ты должна мне сказать всё, что ты знаешь про Тессу».

Леопольда подошла к низкому столику, взяла чайник и наполнила свою чашку.

— Эти отвратительные звери, — сказала она, кивая в сторону двери, — общались со мной так грубо. Мне бы хотелось уйти и желательно прямо сейчас.

«Ты никуда не уйдешь, пока не расскажешь всё, что знаешь».

— Ах, ну да. Твоя Тесса... а она ведь была твоей, верно? Хотя по твоим глазам я этого увидеть не могу, по твоему лицу — запросто.

Джем напрягся. Он больше не был тем мальчиком, который планировал жениться на Тессе. На девушке, которую полюбил настолько сильно, что не мог себе и представить. Он до сих пор её любил, хоть от этого самого мальчика он избавился, однако благодаря этому он смог выжить, убрав свои человеческие чувства, отложив подальше свою скрипку. Это были инструменты другой его жизни, другого периода времени.

Тем не менее, не было никакой необходимости так жестоко об этом напоминать.

— Думается мне, что силы, данные ей, достаточно велики, — сказала Леопольда, потягивая кружку чая, — Я даже ей завидую. Аксель... был бы горд.

В комнате не было никакого постороннего шума кроме звука ложки, ударяющей по стенкам фарфоровой чашки. В глубине своего разума Джим слышал голоса других Безмолвных Братьев. Но он проигнорировал их. Он должен был сделать это один.

«Расскажи мне про отца Тессы».

— Кровь, — напомнила она, — Сначала принеси мне кровь. Это ведь всего ничего.

«Этого никогда не случится».

— Нет? — только и сказала она:

— Знаешь, я ведь всего лишь дочь демона Ветиса, но, а Тесса...

Она будто ждала, как на её слова отреагирует Джем.

— Да. Я знаю абсолютно всё. Можешь расслабить свою руку. Если ты принесешь мне то, что мне нужно, то я расскажу тебе всё, что ты захочешь. С условием, что ты меня потом отпустишь, конечно. Мы оба получим то, что нам нужно. Уверяю тебя, ты получишь намного больше, чем я прошу. Это сделка высшего порядка.

«У тебя нет тех преимуществ, которыми, по твоему мнению, ты владеешь, Леопольда Штайн», — сказал он, — «Я знал, что ты в Лондоне, ещё с тех пор, как ты только высадились на берег. Я знал, что ты подруга Мортмейна. Я знаю, что ты хочешь, ты хочешь крови Сумеречного Охотника, чтобы продолжить его работу, а я никогда этого не допущу».

Её губы скривились:

— Но ты ведь добрый. Как раз из-за этого тебя все знают. Ты не причинишь мне вреда.

Джем взял свой посох, перекидывая его из одной руки в другую, и слегка сбалансировал между собой и Леопольдой. Он знал сотню разных способов убить ее. Он мог сломать ей шею.

«Таким меня знали, когда я был Сумеречным Охотником. Этим посохом я убивал, пускай и не хотел этого. И, если ты мне не расскажешь то, что я желаю знать, тогда я просто убью тебя».

Тебе решать».

Джем посмотрел ей в глаза и понял, что она поверила ему.

«Ответ на все мои вопросы, и я отпущу тебя».

Леопольда сглотнула:

— Для начала поклянись Ангелом, что позволишь мне потом уйти.

«Клянусь Ангелом».

Леопольда улыбнулась длинной, коварной улыбкой:

— Ритуал, который создал твою Тессу, был потрясающим. Такая слава. Никогда не думала, что такое вообще возможно. Связать Сумеречного Охотника с демоном...

«Хватит лишних слов. Говори».

— Отец Тессы был самым величайшим демоном Эйдолона. Самое прекрасное существо в Аду из всех тысяч форм.

Высший Демон? Именно этого Джем и боялся. Неудивительно, что Джеймс может превратиться в призрака, да и сама Тесса может принять любую форму, даже форму ангела. Линия Нефилима и Великого Демона. Ничего подобного в истории ещё не было. Даже сейчас он не мог думать о них как о новых и странных существах с невероятными способностями. Это были просто Тесса и Джеймс. Людей, которых он любил.

«Согласно твоим словам, отцом Тессы является Высший Демон?»

Конклав никогда об этом не узнает. Он ни за что не скажет им. Его сердце сжалось. Сможет ли он сказать об этом Тессе? Может ей лучше вообще об этом не знать?

— Это я и пытаюсь до тебя донести, — продолжила она, — Её отцом был Высший Демон. Это же такая честь быть ребенком Высшего Демона. Рано или поздно, кровь возьмет свое, Джеймс Карстаирс, и её невероятные силы пронесутся через этот город.

Она поднялась на ноги.

«Величайший из всех? Мне нужно узнать его имя. Кто он?»

Она покачала головой:

— Цена за это имя — кровь, Джеймс Карстаирс. И если ты не заплатишь, то она будет другая.

Она вытащила свою руку из-за спины и бросила горсть порошка прямо в Джема. Если бы его глаза не были защищены магией, это, вероятно, ослепило бы его. Как бы то ни было, он отшатнулся назад, чтобы она прошла мимо него к двери. Она достигла двери за несколько секунд и резко открыла её.

По другую сторону двери, стояли два огромных оборотня, а между ними расположился Вулси Скотт:

— Как и ожидалось, — сказал Вулси, презрительно смотря на Леопольду, — Убейте её, мальчики. Пусть это станет примером для тех, кто проливает кровь в нашем городе.

Леопольда закричала и развернулась к Джему, широко раскрыв глаза:

— Ты сказал, что позволишь мне уйти. Ты обещал!

Джем почувствовал себя обессиленным.

«Я тебя и не задерживаю».

Она пронзительно закричала, когда наполовину перекинувшиеся оборотни бросились на нее. Джем отвернулся от звуков рвущейся плоти и воплей, наполнивших комнату.

* * *

Летом рассветает рано. Ариадна еще спокойно спала, а Анна услышала шаги горничной на нижнем этаже. Девушка пока не ложилась, даже после того, как заснула Ариадна. Анне совершенно не хотелось покидать их уютное гнездышко, она предпочла бы продолжать перебирать кружевные оборки подушки и смотреть на то, как шевелятся ресницы Ариадны, когда та погружена в глубокий сон.

Однако небесная чернота ночи понемногу сменялась мягким персиковым восходом. Очень скоро горничная принесет поднос с завтраком. Очень скоро жизнь бесцеремонно заявит свои права.

Если их обнаружат, то пострадает только Ариадна, поэтому именно ее обязанностью было покинуть это место.

Анна поцеловала девушку очень осторожно, чтобы не разбудить, затем оделась и выскользнула наружу через подъемное окно. Темнота больше не скрывала ее мужской наряд, и когда она шла по туманному утреннему Лондону, то несколько человек обернулись ей вслед, хотя девушка была искренне уверена, что некоторые из ротозеев просто любят ей, несмотря даже на отсутствующий рукав и потерянную шляпу. Она решила пойти домой кружным путем, через Гайд-парк. В рассветных лучах все цвета казались приглушенными, а воды озера Серпентин — неподвижными. Анна радовалась уткам и голубям, словно друзьям, и улыбалась всем встречным.

Это была любовь, и она была всепоглощающей, примилив со всем на свете. Девушку почти не заботило, успеет ли она домой до того, как ее отсутствие заметят. Она лишь навсегда хотела застыть в этом состоянии: в точности так, как сейчас, ощущая мягкость, благоухание и дружелюбие нового дня, чувствуя на коже прикосновения Ариадны. Ее будущее, такое запутанное ранее, сейчас было кристально ясным: они с Ариадной будут вместе всегда, путешествуя по миру и сражаясь с плечом к плечу.

Наконец, ей пришлось повернуть к дому, где она с легкостью забралась в окно своей комнаты. Анна откинула одежду брата и скользнула под одеяло. Спустя мгновение девушка уже погрузилась в теплые объятия сновидения, представляя, что она снова с Ариадной.

Проснувшись она ближе к полудню. Кто-то принес поднос с чаем и оставил рядом с кроватью. Анна выпила остывший чай, приняла холодную ванну и осмотрела рану на руке. Нанесенные Ариадной исцеляющие руны сделали свою работу. На месте раны все еще было покраснение и раздражение, но она могла скрыть это под шалью. Она облачилась в самый простой, строгого покроя наряд — было так забавно теперь одеваться, как девушка, — и накинула шелковую шаль на плечи, бережно обернув вокруг раненой руки. Затем она спустилась, застав свою мать сидящей в освещенном солнцем уголке гостиной с Александром на руках.

— А вот и ты, — сказала мама. — Ты не заболела?

— Нет, — ответила Анна. — Просто сглупила, засидевшись допоздна с книгой.

— Теперь я точно уверена, что ты заболела, — поддразнила ее мама с улыбкой, на которую дочь ответила.

— Хочу прогуляться, пока светит солнце и стоит такой прекрасный день. Я, пожалуй, навещу Люси и Джеймса и обсужу с ними прочитанное.

Мать окинула ее любопытным взглядом, но дала разрешение.

Анна не пошла к Эрондейлам. Вместо этого она свернула в сторону Белгравии, сделав по пути лишь одну остановку, чтобы купить букетик фиалок у продающей их на улице пожилой леди. Мир был идеальным, и все предметы и существа в нем заслуживали любви. Сейчас Анна была способна на все: сразить разом сотню демонов, поднять карету над головой, станцевать на натянутой под потолком веревке. Она шла по тем же мостовым, что и несколько часов назад, возвращаясь к любимой.

Анна постучалась в дом, стоящий на площади Кавендиш, и нервно застыла в ожидании на ступеньках, глядя вверх. Была ли Ариадна в своей комнате? Выглянет ли она?

Дверь открыл не улыбчивый слуга Бриджстоков.

— В данный момент семейство принимает гостей, мисс Лайтвуд. Возможно, вы бы хотели подождать в...

В это время открылась дверь парадной, и оттуда вышли Инквизитор с молодым человеком, чьи черты лица были ей знакомы, как и рыжие волосы — Чарльз Фэйрчайлд, брат Мэттью. Анна редко встречалась с Чарльзом, так как тот всегда где-то отсутствовал, обычно в Идрисе. Они с Инквизитором были увлечены беседой.

— А, — сказал Инквизитор Бриджсток, заметив Анну, — мисс Лайтвуд. Какая приятная неожиданность. Вы знакомы с Чарльзом Фэйрчайлдом?

— Анна! — Приветствовал ее Чарльз, тепло улыбаясь. — Да, конечно.

— Чарльз временно займет место главы Института в Париже, — проинформировал Инквизитор.

— О! — Воскликнула Анна. — Мои поздравления! Мэттью мне не рассказывал.

Чарльз закатил глаза.

— Представляю, что он думает об этом, наверняка, считает политические амбиции безвкусными и мещанскими. А что вы здесь

делаете?

— Анна с Ариадной проводят совместные тренировки, — объяснил Инквизитор.

— Ясно, — ответил Чарльз. — Великолепно! Вы должны как-нибудь навестить нас в Париже, Анна.

— О, — произнесла Анна, не совсем понимая, о каких «нас» говорит Чарльз. — Ну да. Спасибо. Обязательно.

Ариадна вышла из малой столовой. На ней было розовое платье оттенка свежего пиона, а волосы уложены кольцом. Увидев Анну, она покрылась румянцем. Чарльз прошел далее вместе с Инквизитором, а Ариадна приблизилась к ней.

— Не ожидала увидеть тебя здесь так скоро, — тихо прошептала девушка на ухо Анне.

— Не могла быть вдали от тебя, — ответила Анна. От Ариадны снова доносился аромат духов, разносясь по воздуху. Цветки апельсина теперь были любимым запахом Анны.

— Возможно, мы могли бы встретиться позднее, — сказала Ариадна. — Мы ...

— Я вернусь примерно через год, — проговорил Чарльз, завершая беседу, которую вел с Инквизитором Бриджстоком. Затем он снова подошел к ним, поклонился, взял руку Ариадны и церемонно поцеловал ее.

— Надеюсь на более частые встречи после моего возвращения, — объявил он, — это должно случиться не далее, как через год.

— Конечно, — ответила Ариадна, — мне бы тоже очень этого хотелось.

— Анна! — Окликнула миссис Бриджсток. — У нас есть попугай. Ты должна на него взглянуть. Идем.

И Анна внезапно обнаружила, что миссис Бриджсток взяла ее под руку, мягко подталкивая по направлению к другой комнате, где стояла массивная золотая клетка с большим разноцветным попугаем. При их приближении птица разразилась громкими криками.

— Какой замечательный экземпляр, — пробормотала ничего не

понимающая Анна, пока миссис Бриджсток закрывала за ними дверь.

— Прошу прощения, Анна, — сказала женщина. — Я просто хотела дать возможность этим двоим достойно попрощаться. В таких делах стоит быть деликатными. Конечно же, ты понимаешь.

Девушка не понимала, но ее накрывало леденящее предчувствие.

— Мы надеемся, что они поженятся через несколько лет, — тем временем продолжала щебетать миссис Бриджсток. — Окончательное решение еще не принято, но они были бы такой прелестной парой.

Попугай клекотал, а миссис Бриджсток продолжала говорить, но Анна слышала только звон в ушах. Она до сих пор ощущала поцелуй Ариадны на губах, видела перед собой образ разметавшихся по подушке темных волос. Все это случилось лишь несколько часов назад, однако на нее снизошло чувство, будто минули столетия, и мир превратился в холодное и незнакомое место.

Дверь отворилась, и к ним присоединилась притихшая Ариадна.

— Мама уже представила тебя Уинстону? — Спросила она, глядя на попугая. — Она в нем души не чает, правда, Уинстон, негодное ты существо?

Она произнесла эти слова нежно, и попугай Уинстон затанцевал на жердочке, протягивая лапу Ариадне.

— Как прошла ваша беседа? — Задала ей вопрос мать.

— Матушка! — Запротестовала Ариадна. Она слегка побледнела, но ее мать, казалось, этого не заметила. — Позволь, я поговорю с Анной?

— Да, конечно, — ответила миссис Бриджсток. — Можете как следует насладиться девичьими сплетнями. А я пока дам распоряжение кухарке приготовить клубничного лимонада и бисквитов.

Когда она ушла, Анна пристально посмотрела в глаза Ариадне.

— Ты собираешься замуж?! — Сухо проговорила она. — Но ты не можешь выйти за него.

— Чарльз — достойная партия, — произнесла Ариадна таким тоном, словно они обсуждали качество отреза материи. — К тому же,

окончательное решение пока не принято, но вскоре мы достигнем соглашения. Подойди, Анна, ближе. Присядь.

Ариадна взяла девушку за руку и повела к одному из диванчиков.

— У нас по меньшей мере еще год впереди или даже больше. — Начала Ариадна. — Ты слышала Чарльза. Пройдет не меньше года, прежде чем я снова его увижу. И все это время я проведу с тобой.

Она нарисовала пальцем небольшой круг на тыльной стороне руки Анны, нежный жест, от которого у нее перехватило дыхание. Ариадна была такой красивой, такой мягкой. Анна почувствовала, как разрывается на части.

— Без сомнений, ты не можешь хотеть выйти замуж за Чарльза, — сказала Анна. — Я имею в виду, что он — достойный человек, но любишь ли ты его?

— Нет, — ответила Ариадна, сжимая руку Анны. — Я не люблю его или кого бы то ни было из мужчин таким образом. Всю жизнь я смотрела на женщин и знала, что лишь они смогут поразить меня в самое сердце. Как это сделала ты, Анна.

— Тогда зачем? — Поразилась девушка. — Зачем выходить за него замуж? Из-за родителей?

— Из-за того, что так устроен мир, — произнесла Ариадна трясущимся голосом, таким же, каким впервые спрашивала Анну, может ли она поцеловать ее. — Если бы я сказала родителям правду, если бы открылась им о том, какая я на самом деле, то они бы стали презирать меня. И я бы осталась одна, без друзей, изгоем.

Анна покачала головой.

— Они бы так не поступили. — сказала она. — Они бы продолжали тебя любить, ведь ты их дочь.

Ариадна вырвала руку у Анны.

— Меня удочерили! Мой отец — Инквизитор. У меня нет таких понимающих родителей, какие, должно быть, есть у тебя.

— Но ведь любовь — это все, что имеет значение, — прошептала Анна. — Мне было бы достаточно тебя одной. Ты для меня — все, Ариадна! Я никогда не выйду замуж за мужчину, мне нужна только ты.

— Я хочу детей, — сказала Ариадна, понижая голос на случай, если мать вернется. — Анна, я всегда хотела быть матерью, больше, чем чего бы то ни было на свете. Если мне придется выносить прикосновения Чарльза, что ж, это того стоит. — Она пожала плечами. — Я никогда, никогда не люблю его так, как люблю тебя. Я думала, что ты понимаешь, мы можем ухватить для себя лишь краткое мгновение счастья прежде, чем мир силой разлучит нас. Мы можем любить друг друга весь следующий год, пока не вернется Чарльз, и навсегда запомнить это время, вспоминая с теплотой...

— Но когда Чарльз придет, то все будет кончено, — холодно подвела итог Анна. — Он заявит свои права на тебя. Ты это имеешь в виду?

— Да, я не смогу ему изменять, — тихо произнесла Ариадна. — Я — не лгунья.

Анна поднялась.

— Думаю, ты обманываешь себя.

Ариадна вскинула свое милое личико, слезы полились по ее щекам, и она вытерла их трясущимися руками.

Анна, пожалуйста, поцелуй меня. Пожалуйста, не покидай меня. Прошу, только один поцелуй. Она умоляюще посмотрела на Анну, и та почувствовала, что ей не хватает воздуха, а сердце выстукивает бешеную чечетку в груди. Идеальное будущее, о котором она мечтала, разлетелось на миллион осколков, превратилось в пыль и развеялось по ветру, а взамен возникло что-то странное и жестокое. Ей было нечем дышать. Горячие слезы жгли глаза.

— Прощай, Ариадна, — сумела выдавить она и бросилась прочь из комнаты.

* * *

Анна просидела на краю своей кровати и проплакала очень долго. Она рыдала, пока не осталось больше слез, и теперь лишь машинально всхлипывала.

Раздался легкий стук в дверь, и брат просунул голову внутрь.

— Анна? — Позвал он, моргая своими глазами цвета лаванды. — Ты как? Мне показалось, что я что-то услышал. — О, Кристофер,

милый Кристофер. Анна быстро вытерла лицо.

— Я в порядке, Кристофер, — ответила она, прочищая горло.

— Ты уверена? — спросил он. — Я могу тебе чем-нибудь помочь? Я мог бы провести спасительный научный опыт.

— Кристофер, довольно! — мама Анны появилась в коридоре позади сына неслышно, словно кошка. — Иди и займись чем-нибудь. Только никаких взрывчатых веществ, — добавила она, подталкивая своего средненького в сторону выхода.

Анна торопливо вытерла последние следы слез, пока матушка проходила в комнату, неся с собой длинную, украшенную лентой коробку. Она под села к ней на кровать и спокойно посмотрела на дочь.

Как обычно, облачение Сесили было безупречно, а взгляд безмятежен. Волосы были уложены в гладкую прическу, а голубое платье чрезвычайно ей шло. Анна не могла не подумать о своей ночной рубашке и красном, покрытом пятнами лице.

— Ты знаешь, почему я назвала тебя Анной? — спросила Сесили.

Анна озадаченно покачала головой.

— Во время беременности я была очень больна, — начала матушка. Анна удивленно моргнула — она об этом не знала. — Я очень боялась тогда, что ты не доживешь до рождения или будешь слабенькой и болезненной. Но ты родилась, и была самым очаровательным, здоровым и идеальным ребенком. — Она улыбнулась. — Имя Анна означает «благоволение», так как Бог был благосклонен ко мне. Я думала, что Ангел подарил мне тебя, и я должна позаботиться, чтобы ты всегда была счастлива и довольна. — Она потянулась, чтобы мягко прикоснуться к щеке Анны. — Она разбила тебе сердце, не так ли? Ариадна?

У Анны пропал дар речи. Так ее мама все знала! Она всегда подозревала, что и мать, и отец осведомлены про пристрастие дочери к женщинам... но они никогда раньше это не обсуждали.

— Мне так жаль. — Сесили поцеловала Анну в лоб. — Моя прелестная, дорогая доченька. Знаю, сейчас тебя это не утешит, но появятся и другие девушки, которые будут бережно обращаться с твоим сердцем, как ты того и заслуживаешь.

— Мама, — вымолвила Анна, — и ты ничего не имеешь против того, что я, возможно, не выйду замуж и не смогу иметь детей?

— Сейчас так много детей Сумеречных охотников, оставшихся сиротами, как и Ариадна, и все они ищут дом, в котором их будут любить. Поэтому я не вижу причины, по которой однажды ты не смогла бы им предоставить такой дом. Что же до замужества... — Сесили пожала плечами. — Поговаривали, что и твой дядя Уилл не сможет сочетаться браком с тетушкой Тессой, и что дяде Гидеону и тете Софи также не суждено быть вместе. И все же, как ты знаешь, все вокруг ошибались, а даже если бы им и запретили пожениться, то это было бы неправильно. Влюбленные сердца найдут способ быть вместе, даже если закон несправедлив к ним. Если ты кого-то полюбишь, то не сомневаюсь, что у тебя получится связать с возлюбленной свою жизнь, Анна, ведь ты самое целеустремленное дитя из всех, что я знаю.

— Я уже не дитя, — заявила Анна, но при этом она улыбалась, испытывая немалое изумление. Может, Ариадна и разочаровала ее, но мать удивила ее совершенно по-другому.

— И все же, — сказала мама, — ты не можешь продолжать носить одежду своего брата.

Сердце девушки упало. А вот и подвох. Материнское понимание все же имело пределы.

— Я думала, ты не знаешь об этом, — слабым голосом произнесла Анна.

— Конечно же, я знала. Я ведь твоя мать, — объявила Сесилии, словно провозглашала себя, по меньшей мере, Королевой Англии. Она постучала по коробке с ленточкой. — Я принесла тебе новый наряд. Надеюсь, тебе он покажется более подходящим, и ты сопроводишь в нем свою семью сегодня в парке.

До того, как Анна смогла что-либо возразить, по дому разнесся громкий требовательный плач. Воскликнув «Александр!», Сесили вылетела за дверь, бросив на ходу Анне, чтобы та присоединилась к ней внизу в гостиной сразу, как переоденется.

Нахмурившись, Анна развязала ленту на коробке, не торопясь, однако открывать ее. В прошлом она неоднократно получала одежду в подарок от матери. Еще один отрез пастельного шелка? Или очередное хитроумно скроенное платье, чтобы подчеркнуть ее

немногочисленные выпуклости?

Убрав ленты и обертку, девушка удивленно ахнула: внутри был самый великолепный костюм из всех, что она видела. Угольно-черный твид в синюю полоску, пиджак строгого покроя. Роскошный шелковый жилет лучезарно-голубого оттенка отлично дополнял накрахмаленную белую рубашку. Ботинки, подтяжки — ничто не было забыто.

Словно в трансе, Анна переоделась и уставилась в зеркало. Одежда сидела на ней, как влитая — должно быть, матушка передала ее мерки портному. И все же одна вещь казалась неправильной.

Сжав зубы, девушка пересекла комнату и взялась за ножницы. Глядя на себя в зеркало, она схватила прядь волос.

Она колебалась всего мгновение, вспомнив голос Ариадны: «Я думала, что ты понимаешь, мы можем ухватить для себя лишь краткое мгновение счастья прежде, чем мир силой разлучит нас».

Волосы издавали приятный хрустящий звук, когда она отрезала их, и дождем осыпались на ковер. Она взяла еще одну прядь, и еще, пока не остригла все волосы по подбородок. Стрижка придала чертам ее лица резкость. Она состригла еще немного спереди, подрезала на затылке, пока оставшиеся локоны не улеглись волнами в подобающую джентльмену прическу.

Вот теперь все было просто идеально. Ее отражение вернуло ей пристальный взгляд, скривив губы в недоверчивой улыбке. Жилет подчеркивал глаза, покрой брюк — длину ног. Она почувствовала, что снова может дышать, даже несмотря на боль в груди от потери Ариадны: возможно, она лишилась девушки, но зато обрела саму себя. Новую Анну — уверенную, одетую с иголки, сильную.

Сердца разбивались по всему Лондону ежедневно. Не исключено, что Анна и сама разбила парочку. Будут и другие девушки на ее пути, они будут приходить и уходить, а Анна отныне станет держать свои эмоции под контролем. Она никогда снова не будет чувствовать себя, будто разорванной на тысячу кусочков.

Она — Сумеречный охотник, а они умеют держать удар. Она станет стойкой и будет смеяться в лицо боли.

Вскоре девушка спустилась по лестнице. День уже шел на убыль, хотя солнце по-прежнему ярко светило в окно. Этот день,

казалось, будет длиться вечно.

Ее мать сидела в гостиной с чаем на подносе, маленький Александр лежал в плетеной колыбели рядом. Отец занял место напротив, погруженный в чтение газеты.

Анна вошла в комнату, и родители посмотрели на нее. Она заметила их взгляды, оценивающие новый наряд и прическу, и приготовилась принять любой вердикт, застыв в дверном проеме.

Повисла длинная пауза.

— Я же говорил, что голубой жилет замечательно подойдет, — сказал Габриэль Сесили. — Подчеркивает ее глаза.

— А я и не спорила, — ответила Сесили, укачивая младенца, — просто отметила, что она также прекрасно бы выглядела в красном.

Анна начала улыбаться.

— Намного лучше, чем одежда брата, — добавил Габриэль. — Он творит со своей одеждой ужасные вещи с помощью серы и щелочи.

Сесили внимательно изучила обрезанные локоны Анны.

— Очень благоразумно с твоей стороны, — наконец резюмировала она, — волосы могут быть серьезной помехой во время битвы. Мне очень нравится. — Она встала. — Подойди, присядь, — сказала она, — побудь ненадолго со своим братиком и отцом, а мне нужно кое-что принести для тебя.

Когда мать вышла, Анна почувствовала покалывание в ногах и, присев на кушетку, потянулась к Алексу. Он только что проснулся и теперь озирался по сторонам, рассматривая новые чудеса, как умеют только младенцы, когда обнаруживают, что мир после их пробуждения никуда не исчез и теперь требует познания всех его бесконечных сложностей.

— Я тебя так понимаю, — прошептала она братику.

Он беззубо улыбнулся ей и вытянул пухлую ручонку. Она протянула ему свою руку, и он ухватил ее за палец.

Мать вернулась спустя несколько минут, неся небольшую голубую коробочку.

— Знаешь ли ты, — начала она, подливая себе в чашку чай, —

что мои родители не желали мне доли Сумеречного охотника. Ведь они уехали подальше от Конклава, а твой дядя Уилл...

— Я в курсе, — перебила Анна. Габриэль тепло посмотрел на жену.

— Но я была Сумеречным охотником, понимала это даже, когда мне было всего пятнадцать. Чувствовала это в своей крови. Глупые люди часто говорят то, чего не понимают, но мы всегда знаем, кто мы на самом деле, глубоко в душе.

Она поставила коробочку на стол и подтолкнула ее к дочери.

— Надеюсь, тебе понравится, — сказала мать.

Внутри лежало ожерелье с мерцающим красным камнем. Сзади на нем была гравировка на латыни.

— Оно защитит тебя, — произнесла Сесили. — Ты знаешь, как оно работает.

— Оно чувствует приближение демонов, — в изумлении проговорила Анна. Мать надевала ожерелье почти всяких раз, как отправлялась в бой. Хотя с появлением Александра это происходило все реже.

— Оно не убережет твое сердце, зато поможет защитить остальные части тела, — заявила мать. — Оно передается из поколения в поколение и должно быть твоим по праву.

Анна сдержала наворачивающиеся на глаза слезы.

Она вынула ожерелье и застегнула на шее. Девушка стояла и смотрела на свое отражение в зеркале над камином, а привлекательное отражение смотрело на нее. Ожерелье не казалось лишним, и шло ей, как и короткая стрижка. «Я не должна быть чем-то одним», — подумала Анна. — «Я могу выбирать то, что подходит мне, если оно на самом деле к лицу. Брюки и жилет не делают меня мужчиной, так же как ожерелье не делает меня женщиной. Просто сейчас эти предметы придают мне уверенности, ощущение собственной красоты и силы. Я такая, какой хочу быть. Я — Сумеречный охотник, который облачен в великолепный костюм и носит легендарную подвеску.

Она посмотрела на отражение матери в зеркале.

— Ты была права, — сказала девушка ей. — Мне действительно

очень идет красное.

Габриэль издал тихий смешок, но Сесили лишь улыбнулась в ответ.

— Я всегда тебя понимала, моя дорогая, — проговорила матушка. — Ты — драгоценность моего сердца, мой первенец. Моя Анна.

Анна снова вспомнила всю боль, которую вынесла в этот день: будто ей вскрыли грудную клетку и обнажили сердце. Но теперь ее мать словно нарисовала исцеляющую руну, и рана затянулась. Шрам остался, но она снова была здоровой.

Принятие своей сущности было сродни повторному нанесению первой Руны. Она — Анна Лайтвуд.